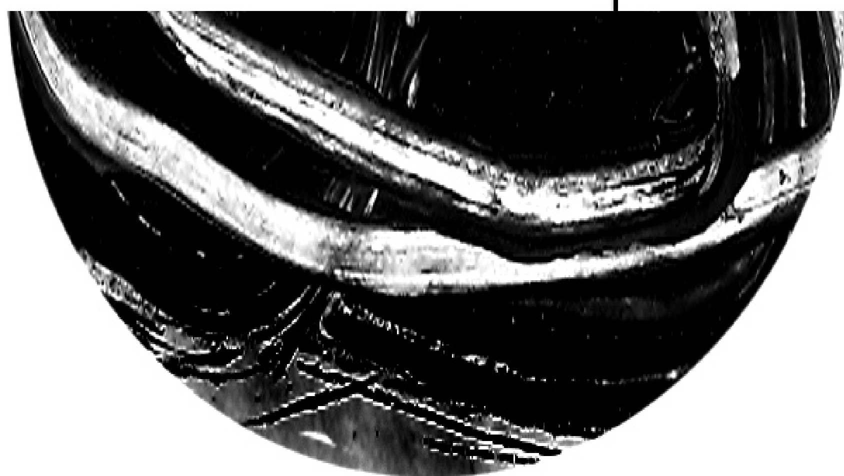
ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ

another hemisphere

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АВАНГАРДА

№ 12 / 2010

ЗАУМЬ DADA АБСУРД БУК-АРТ СМЕШТЕХ КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА

От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент - Поиск - Ожившее Слово

Журнал выходит при поддержке Международной Академии Зауми
и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»

Периодичность: 4 номера в год

Contact: drugpolushar@yandex.ru

Site: http://drugpolushar.narod2.ru/
ARTronic Poetry: http://artronicpoetry.blogspot.com/

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2010. - № 12. – 86 стр.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА / CONTENT

ДП-АРХИВ

TEXT POETRY

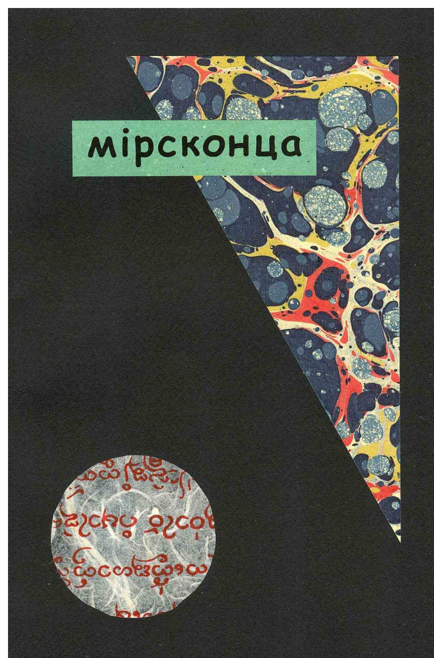
VISUAL POETRY

ДРУГАЯ ДРАМАТУРГИЯ

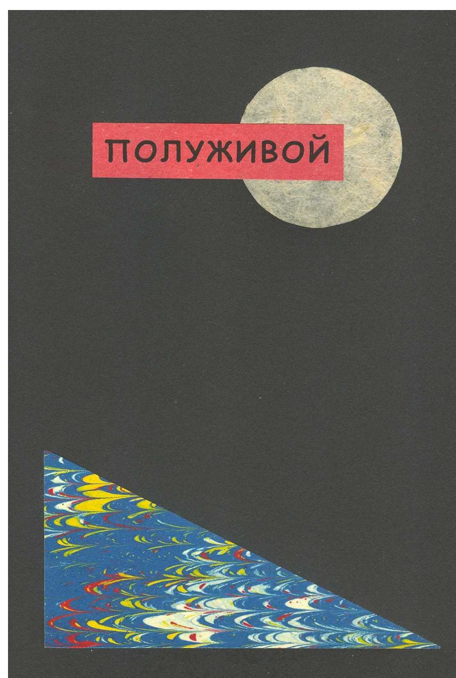
УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

AVANT-KNIZHNOSTI

Заумный квартет Алексея Крученых

В мадридском авангардном и мифосемиотичеком издательстве Ediciones del Hebreo Errante в серии «Русский поэтический авангард» были опубликованы четыре самые знаменитые и репрезентативные книжки русского авангарда, изготовленные литографским способом Алексеем Крученых: *Мирсконца* (1912), *Полуживой* (1913), *Две поэмы: Пустынники. Пустынница* (1913), *Помада* (1913). Сергей Бирюков и Михаил Евзлин, подготовившие издание этих книжек, назвали их *Заумным квартетом*. И в самом деле, здесь объединились на какой-то очень короткий момент персонажи, которые определили «лицо» русского поэтического и художественного авангарда – Алексей Крученых, Велимир Хлебников, Наталия Гончарова и Михаил Ларионов, – чтобы потом навсегда разойтись, отправившись каждый по своему собственному пути – славы или забвения.

До сих пор эти крученыховские книжки воспроизводились репринтным способом со всеми дефектами, обязанными литографическому способу изготовления и просто разрушительному действию времени, что делало их почти неудобочитаемыми и препятствовало целостному восприятию идеальной структуры текстов, в которых словесные и графические элементы составляли органическое единство. Оторванные друг от друга они перереставали функционировать как художественный текст, как это можно видеть по последующим изданиям, где тексты и иллюстрации воспроизводились отдельно в сборниках стихов и художественных альбомах.

Ниже мы предлагаем вниманию читателя эссе Михаила Евзлина о поэмах Крученых, графически интерпретированных Натальей Гончаровой, и одну из поэм книжки *Две поэмы: Пустынники. Пустынница*.

Книги издательства Ediciones del Hebreo Errante появятся в мае этого года в петербургском магазине «Книжный окоп». Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 11/5, тел. (812) 323-85-84.

Михаил ЕВЗЛИН
Mikhail Evzlin

Бесы-пустынники

(*Пустынники* и *Пустынница* Алексея Крученых)

Эта поэма, соединенная с другой маленькой поэмой под сходным названием, вроде бы отсылает к пушкинскому *Отцы пустынники и жены непорочны*..., хотя об отцах и девах в ней вовсе не говорится и даже отдаленно о них не упоминается. И в самом деле, в *Пустынниках* (а также в *Пустыннице*, хотя и в единственном числе) рассказывается не о святых отшельниках, а о хтонических духах земли, живущих под землей, не знающих неба, ни света, ни открытого пространства. Это их «замкнутое» качество задается с самого начала:

Ах и горько, ах и сладко
Жить в пустыне в тишине!
Нам блеснет заря украдкой,
Нам так скорбно в глубине!
От цветов земли далекой,
От улыбки светлоокой
Мы сокрылись, мы зарылись
В темный душный, вечный спрят!
Мы живем – кругом темница –
В ночи душные не спится,
Пыли полные гробницы, –
Царства древние тут спят!

В силу своей хтонической, подземной природы они связаны с миром смерти, обитают в гробницах, среди гнили:

Сколько было разных дел!
Грез надменных мертвых тел!
Мы считать их позабыли,
Под покровом давней гнили
Много жару схоронили...

Собственно они есть духи мертвых, ставшие духами земли, которые ведут свое призрачное существование пока не сливаются окончательно с землей, «растаивают»:

Над природой торжествуя,
На извилистых дорогах,
На себя же негодуя,
Растеряли цветов много,
Позабыли образ строгий...
Их не сыщешь, раз уронишь,
В сотни лет уж не нагонишь,
И о них тихонько стонешь.
И теперь уж время близко,
Мы без света угасаем,
В наших норах душно слизко,
Мы бесследно тихо таем,
И ее всегда терзаем,
Ей проклятья посылая,
Ей все блага завещая...

В своей основной части поэма посвящена «деяниям» пустынников, которые имеют явные пародийные черты, как и «дела» чертей в написанной совместно с Хлебниковым *Игре в аду* (1912) и *Полуживом* (1913). В этом смысле интерпретируют поэму иллюстрации Наталии Гончаровой. Но и рисунки, даже представляя пустынников как «отцов», передают вполне хтонический и бесовский характер этих странных существ, имеющих, как индийские *наги*-отшельники, змеиную природу:

От змеи берем отравы,
Желчь и печень прячем в травы...

С некоторым усилием можно обнаружить отдаленное сходство бесов-пустынников с бесами в стихотворении Пушкина:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

В поэмах Крученых бесы-пустынники и бесовка-пустынница становятся земными духами, рассказывающими о своих коварствах и печалях:

Удлинятся наши лица,
Мы змеею обернемся,
По дороге спотыкнемся
И храпит взбеленный конь,
И назад летит высоко!
Ах, скакать хотел далеко!
У копыт блестит ладонь...
Иль на руки упадем
С свистом, песней, диким лаем!
Совы, гады, пауки, –
Все нам мило, все с руки!..

Если бы мы хотели определить литературный жанр этой «сатирической» поэмы, то следовало бы обратиться к повсеместно распространненным (даже у тробриандских дикарей) историям о проделках злых духов, в каком бы виде они не появлялись – женском, мужском, животном или человеческом.

Здесь можно также обнаружить намек на библейские образы злых духов, обитающих в пустыне вместе с дикими зверями. Исаия пророчествует о земле Едома (34, 13-14):

> и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение...

Это описание вполне соответствует «образу бытия» пустынников (а также пустынницы):

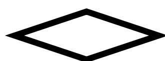
И живем мы в одиночку
Средь пустых земель и диких,
Так далеки и презренны
Незаметны для великих,
Телеса засунув в бочку...

Вовсе не обязательно искать все источники (это вряд ли возможно) «пустыннических» поэм Крученых, но связь их с фольклорной демонологией (без посредничества Гоголя) более чем очевидна. Также упоминание Сары, которая спит под телегой, может иметь отношение не к библейскому персонажу, даже в его сатирической трансформации, а к «лилит», «ночному привидению», которое вызывает эротические видения у мужчин, заставляя их бездумно мчаться в пустыню, где их поджидают демоны-пустынники.

Все эти фольклорно-демонологические элементы, которые составляют «материю» поэмы, по видимости делают совершенно непонятным, в чем состоит ее «футуристичность». Всё здесь обращено даже не к «концу» (не говоря уже о «будущем»), а к хтоническим началам бытия, к нечленораздельному дочеловеческому до-бытию, когда по сухой пустынной земле свободно разгуливали духи и звери, которые перекликались «один с другим» на заумном до-языке, «и не было человека для возделывания земли» (Быт 2, 5).

Совсем, впрочем, не исключено, что в поэме «отображены» вполне реальные персонажи: бесноватые сектанты, отдалившиеся от всякого нормального человеческого общения, а также и поэты-заумники, которые отдалились от всех языковых норм, но при этом не нашли «сокровенного знания», которое им почудилось в причудливых звукосочетаниях, разносившихся *визгом жалобным и воем* над голой землей, населенной только *гадами и пауками*:

Только гордость нашу мучит
То одно, что средь созвучий
Нам ни разу не давались
Песни старой вечной были.

Алексей КРУЧЕНЫХ

ПУСТЫННИЦА

Милый мой ребенок
        Я стара
Я видала много горя
        От костра
Мне давно все опостыло
        Потеряла вкус
Посмотри какое рыло
        Просто грусть
Голова торчит как жердь
        Черная худая
Тело щепы смерть
        Рука костяная
Но живит порою странно
        Солнца блеск
Заживают давни раны
        Убегаю в лес
Я скачу и шаг верста
        Шаг сестре
Ей дрожание листа
        Знаки на коре
Раскукулась кукушка
        Друга поджидая
И дымит в лесу избушка
        Мшистая седая
Там прижмуся я к деревьям
        Замолчу

Не сказать тебе наверно
Что хочу
Подойди шепну дружку –
Горько мне –
Поваляться на лужку
На огне
Съесть травинку я хотела
В ней тот сок
Что дарует свежесть телу
Легкость ног
И помчались бы по веткам
Как лесная
О, пойми глазочек детка
Я не злая
Я кружила б на верхушке
Я пьяна
Вышел старец из избушки
Эй шальна
Я вскочила на костяк
Зверя давнего
Раздался подземный кряк
Колдуна опального…
– Уходи ты знал чужих
С ними бегал
И лесов глухих родных
Тайну всем поведал
Прочь кто ел коровы тело
Пил вино
Все что смерти захотело
Уж обречено
И забили бубны… свист…
Разбежались псы
Пал колдун ко мне, как лист
Умер без росы
Я кружила белый круг
Среди тьмы
И ловила жадность рук
Детищ сатаны
Вновь родиться средь пожара
Смрадных мест
И как милость ждать удара
От небес

Но одно меня погубит:
Тысчи лет
Ах не знают алы губы
Внук мой сед…

Публикация
Сергея Бирюкова и Михаила Евзлина

ЗАНГЕЗИ ОТ СЕРАФИМА

(Панно Серафима Павловского к сверхповести Велимира Хлебникова «Зангези»)

Мой дед, художник **Серафим Александрович Павловский (1903 - 1989)** всегда подчёркивал, что является младшим современником Велимира Хлебникова и лишь немного не застал его, приехав в 1925 г. из Нижнего Новгорода поступать во ВХУТЕМАС, в общежитии которого Хлебников - как всегда, на птичьих правах - жил свою последнюю весну.

Через некоторое время Серафим познакомился с В.Е. Татлиным, который пригласил его участвовать в новой постановке "Зангези" [1]. С тех пор С.А. любил читать это произведение с голоса Татлина. А в 1960-е создал собственную изобразительную версию итоговой драматической поэмы будетлянина. В начале же 1980-х М.П. Митурич-Хлебников (с отцом которого - известным графиком и душеприказчиком Хлебникова - С. А. также связывали дружеские отношения) предложил ему взяться за оформление Астраханского музея Велимира. Макет его, к сожалению, не сохранился, но два панно к "Зангези" остались в картинной галерее родного города поэта.

Полностью серия была показана в январе 1986 г. в Доме художника на Кузнецком мосту, где Павловским был организован вечер к столетию со дня рождения Хлебникова. Зал был переполнен. Выступали хлебниковеды В.П. Григорьев и Р.В. Дуганов и поэт К.А. Кедров.

Перестройка и гласность открыли новые возможности для авангардистских идей, оказавшихся в подполье официального советского искусства. И Павловский, имевший к тому времени богатый экспериментальный и педагогический опыт, решает возродить ВХУТЕМАС. Он готовит к печати свой многолетний учебно-теоретический труд "Культура изобразительной формы" [2], составляет программу института, подбирает кадры. Правительство Москвы предоставляет ему освободившееся школьное здание на Остоженке и утверждает директором, которому между тем исполняется 85 лет... Случайная травма позвоночника, однако, приводит его к преждевременной кончине, и альтернативный Российской академии художеств проект не осуществляется.

Сегодня "Другое полушарие" публикует часть наследия художника, относящуюся к необыкновенно почитаемой им "сверхповести" Хлебникова. Ее одноименный герой Зангези - alter ego самого поэта, философскому складу ума которого живописец во многом следует, но по-своему. "То, что я изображаю на плоскости - писал он, - это не "иллюстрации" к поэме, это размышления, эскизы, попытки на изобразительном языке передать сложное мироощущение поэтом различных областей - плоскостей жизни, - таких, как плоскость мысли, звука, цвета и т. д. -так, как они предстояли передо мной как художником-изобразителем в конкретной форме знака. Знаковая система представлена ещё только как форэскиз, где еще нет формально разработанного творения, как, например, японский иероглиф. <...> Буквальная близость к тексту поэмы сделала бы изображение субъективно мелким, не объективно глубоким по смыслу, не сложным по образу, т. е. в конечном счете искажающим философскую сторону поэмы, а поэтический образ и подавно.

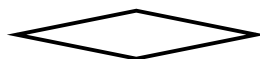
Такая система знаков, как "Звездный Язык Человечества", объединяющий его и рассчитанный на высшее видение, требует объединения в одной знаковой фигуре-иероглифе много значений и жизненных смыслов для того, чтобы быть полноценной в общении" [3].

Александр ПАВЛОВСКИЙ

[1] Zhadova L.A. Tatlin. Budapest Corvina, 1984. С. 399 и др.

[2] До этого была опубликована его книга "Материалы и техника монументально-декоративного искусства". М., 1975.

[3] Подробнее - в статье Н.Г. Григорьевой (второй жены художника) "Серафим Павловский и Велимир Хлебников. Пластическое восприятие жизни". Сб. "Доски судьбы" Велимира Хлебникова: Текст и контексты. М., 2008. С. 741 - 750.

СЕРАФИМ ПАВЛОВСКИЙ
(1903 – 1989)

Утренние речи птиц к Солнцу (1969)

Зангези – пророк (1969)

Воины азбуки Эр, Ка, Эль и Гэ (1968)

Эль (1968)

ЗНАКИ ЗВЕЗДНОГО ЯЗЫКА

А Б В Г Д Е Ж З И К

Л М Н О П Р С Т У Ф

Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

С.П. 68

Знаки звездного языка (1968)

Плоскость мысли
„Зангези" Велимира Хлебникова

гоум

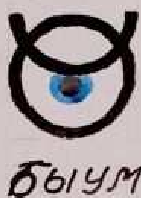

изум

оум

коум

боум

хоум

быум

выум

чеум

лаум

нуум

ниум

соум

суум

даум

Плоскость мысли (1985)

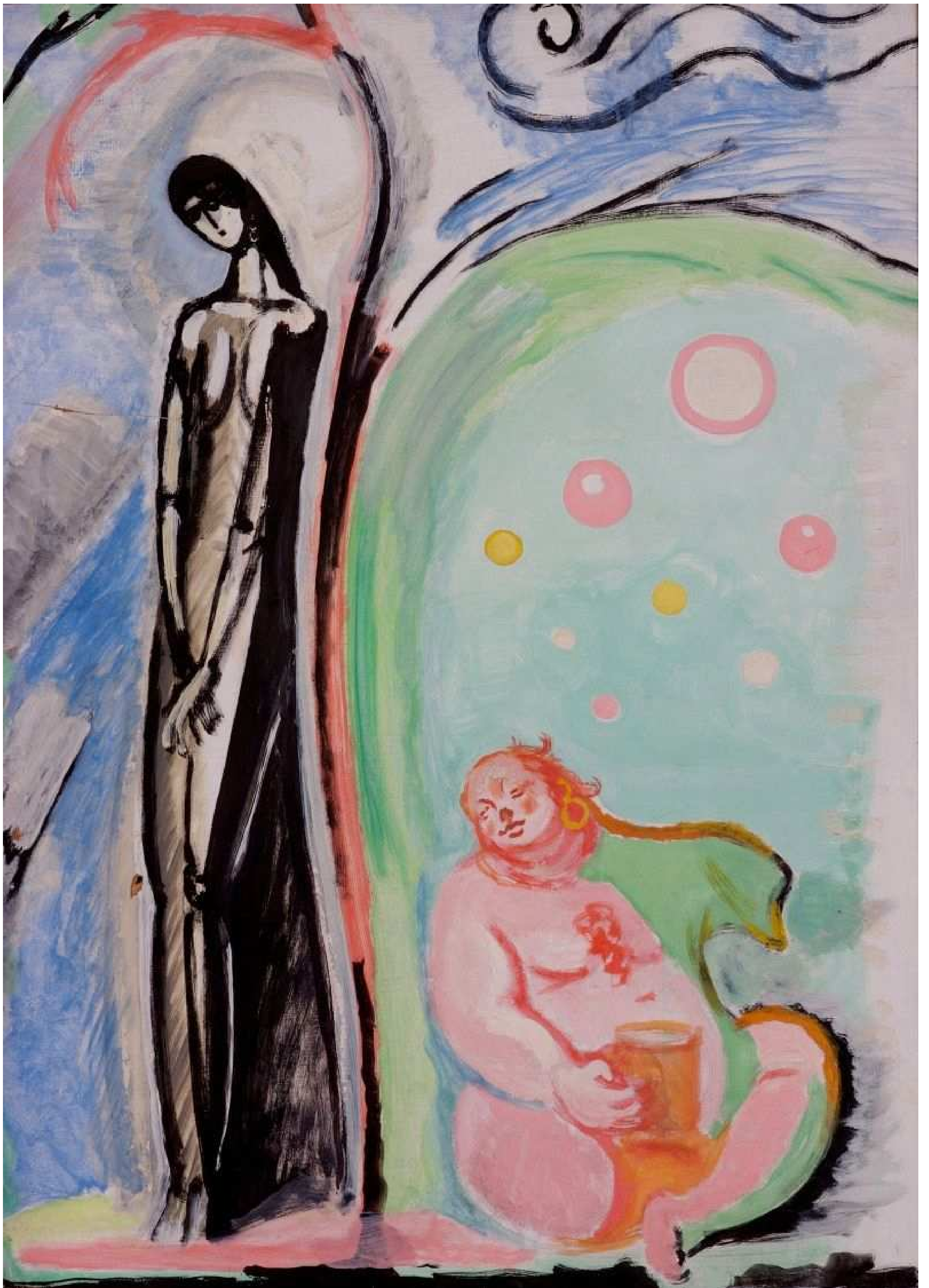
Моговесть мощи (1968)

Летуры летят в собеса (1969)

Зангези едет в город (1969)

Горе и Смех (1968)

Велимир Хлебников (1969-1983)

TEXT POETRY

Константин КЕДРОВ
Konstantin Kedrov

ШАЙНИНГ

Весь костяк миров на твоих костях
Кости тела брошены как игральные
Иногда встречается в Новостях:
– Найдены скелеты миров астральные –

Найдены галактика и скелет
И лежат в обнимку среди миров
Найденной галактике миллиарды лет
Найденный скелет цел и почти здоров

Запеленут в космос как фараон
Я шепчу заветное заклинание
Шатл потусторонний Астрахарон
Нашим барахлом загрузив заранее

Если даже внутреннее извне
Что уж говорить про свое родное
Все земное прожитое во мне
И во мне непрожитое иное

Раздвигая тело на полшага
Циркулем вонзаешься в государства
Кто кому хозяин а кто слуга
Этого не знают в небесном царстве

Царствие Небесное все твое
И до точки сдвинулось все земное
Остается только тело ее
Надо мною тело и подо мно-
ю глобальное потепление

Я совсем недавно давным-давно
Все во мне глобальное потепление
Даже наше солнце обречено
Просиять до полного ослепления

Как Инь-Ян сияющее в нигде
Я собой сияю в себе зияя
Не-Светить всегда и светить везде-
А погаснуть вовремя но сияя

Сергей ЗУБАРЕВ
Sergej Zubarev

* * *

громкий город   универсам   музей
тихий двор   собор

немного хор   и
немного вор   дворник-с(п)ор

осенний город
холод
двор   он
несказанно
топор   убит   говорит
проход   закрыт

громкий город
эй

ор в
собор

* * *

что в донном мире ценно
блоха и аркан
их проклинает басом
старик митрофан
или аристофан
и пахххнет Древней
псиной
что в донном ценно
клоп и удавка
ишак-сарказм
мелочнАя лавка
и дУди вЫсит
цену
а я ещё

* * *

в бренно   гнетущий   век
вы-холощенных   распятий
в с п о м н ю   будь готов
черная свора сгрызает   будь
шейные позвонки   б у д   готов
д у   (О ГРОМОВЕРЖЕЦ
даже я   готов   свищет зорька
принять   ружьё   к у р к о м
н е   б у   !пиф-паф
за человечество   спорь-ка
не любое   д у
кто на дудке

* * *

ты замок   ты закрыт   на засов   на замок
ты совок   как песок   ты с совка   как зола
и дотла   не со зла   и со зла   к…
и зарыт   и забыт   ты земля   ...а
но как тля   ты река   к…
но оков   ты слеза   …з
но за мок   о…
…л
а…

ТЕЛЕГРАММА

станет козлом цветок ляжет орёл на дно сядет луч на горшок выпьют кровь как вино ты уже не со мной впишут меня в меню дверь обернётся стеной больше не
позвоню

ПУ-СЛОВИЕ

Верховодил над пупсиками некто Пу – без пэ и эс. Но он был невидимка и пацифист, а потому в склочки не вмешивался. А от бессмертности не помирают. Далеко был и ждал чего-то. А сука была и в пэ, и в эс зарыта. А ближе всюду руководил пупс, и звали его пусп, псуп, пус и пуп. И народы были такие. И даже пупики любили иногда Пу – и боялись, и звали его Пуп. И мало кто ведал, что он – Пу. А кто и вообще, битый, ляпнул: нет Пу, фу (хотя их псы, спы, пы и сы били). И стали они фупсики, и пу били, и фу над ними, и Фу. А всё равно у них и пу-дома, и пу-книжки (правда, они фу). И вот пуспики, псупики, пусики и пупики никак не поймут: то ли пэ, то ли эс. И пилками для ногтей бьются. А Пу, хитрый, невидимка и пацифист, не кричит: ни пэ, ни эс! И на парады не ходит. А то прибьют ещё пилкою для ногтей – ведь хлопчики пэ и эс любят-нелюбят. И далеко Пу, и дожидается, когда пупсики набьются и просекут от шишек: не ихние пэ и эс, а Пу их придумал. И пора сочинять азбуку. А кто кусочек у Пу попросит – даёт. И нефига зубы скалить. А то прибьют ещё пилкою для ногтей.

* * *

плеснув в грим окоёма
                              цинк суфле
пломбиром уха
                    чёрен сок сметаны
                                        Об
корректор-кобр-шажки-
                    салями-нот
верб
      ласточка   журит
                  бродяжки-рты
      в пристанище-лианы

двустволка-не-сфриволит-
              в-самоволку?
                                  ФАНТАСТ-
робототехника-ситар
                    макакокот   к
                                              и-
руины свар   руины рун   ш-
                                          п-
с очковых лунок   переросток-
                    оргия-фокстрот   рог
наитий   я-и-ты
         архивактив
                                  ОБРОК
перфект-вприпрыжку-дремлет
          п
        «а»   дремлет?
          в
        в линолеум-рукав

стило-конфекты цирка
       манто-монтируя
               кивками
донкихота
              , --   рок
брасс
некрофилороты
                    шика масс

windstärke 6

sexssssssss
sexssssssssssss
sexsssssssssssssssssssssss
sexsssssssssssss
sexssssssssssssssssssssssssssssssss
sexssssssss
sexssssssssss

sexsssssssssssSssssssssssssssSsssssssssssssssssssssSSsss

locha

hahahahahahahahaha
hahahahahaha hahahahahahahaha
aaah hahahahahaha
aahahahahahahahahahahahah
hhhhhahahahahahah
hhhhaaaa

Стихи включены в авторский сборник "Nix haum ma ned, texte im sekundntakt", 2009, Verlag Plöchl,Freistadt, Austria. Тексты предоставлены автором.

Генрих КИРШБАУМ
Henrih Kirshbawm

ИЗ ЦИКЛА «КРАСНЫЕ РЫБЫ»

ЗАСУХА

Сух стрёкот лета,
косят лучи;
даже осока – цвета
сена и саранчи.

Стебли истлели
в собственном теле –
зной перегрыз хрящи.

Соломой в пыли,
жухнущей дерновиной
стелятся длинные ковыли.

Словно разграбленная могила –
русло бывшей реки:
в камни и черепки
всохшие комья ила.

КРАСНЫЕ РЫБЫ

Нутром
по горбатым протокам,
рекам,
рывками о камни,
плоскими плавниками
о колкую гальку отмелей,
прыгая,
огибая глыбы,
бурлят серебром
на ребрах порогов
красные рыбы.

Ловчим плющом,
ползком по стволам
в кущах у водопада
льнет лимонник;
спирали обвили
клещевый клён,
колкие клети аралий,
вьюн винограда,
хлысты лиан.

Тусклыми усиками
секутся сумерки;
губы изюбра
кусает гнус.

Алексей ТОРОХОВ
Alexey Torokhov

Ё

Убудь ямки
Забудь ямбы
Дыши ёмко
Пиши ёмбом

НАДЦАТАЯ ШАМАНТРА

я обещал тебе до…
я обещал тебе дождь…
…
я шаман самозванец…
не имеющий даже бубна…
не имеющий даже страшных красок…
не имеющий даже пугающего взгляда…
не имеющий даже имени в списках небес…
не имеющий даже понятия о «пиар»-технологиях…
…
я шаман самоучка…
не выучивший «ваухxx-ваухxx» (утробно)…
не выучивший «мбау-мбау» (зловеще)…
не выучивший «игадагуфф» (жертвенно)…
не выучивший «омоооннн» (призывно)…
не выучивший «ауыыымма» (соблазняюще)…
…
но капли падают и падают…
на твоё пересохшее тело…
после того как…
я пообещал тебе до…

«НЕО»-ТВРАТИМОСТЬ

птицы стряхивающие с крыльев остатки неба…
пальцы сцарапывающие папиллярные узоры…
память вспоминающая о кнопке «delete»…
…
тянусь к детонатору…
твоего обнажённого тела…
…
пытаюсь припомнить своё завтра…
за секунду до взры…

«PARTY»-ТУРА

взгляды-диезы…
повышение молчания на одну ступень…
…
взгляды-бемоли…
понижение желания на одну ступень.
…
взгляды-бекары…
попытка заговорить о желании…

«РУССКИЙ МАТ»-РОСОВ

- а пошли вы в п-п-п-перёд!..
«русский мат»-росов…
падает на дот…
на амбразуру…
в багровые росы…
переполненных чувств…
сдуру…
чу!..
с «т.в.»…
шутки плохи…
- а пошли вы в камеру!..
по миру…
в камерун…
падает он на объектив…
пронзённый оптической осью…
бросьте…
в него со стола костью…
предварительно вырвав чеку…
падает волосатой порнографической грудью…
на старую дев… ку-
льтуру…
сдуру…
падает…
на чьи-то свободные уши…
на осклизлые души…
на мелкотемье…
фИкс-файлы….
не переклевать это просо…
скачут как блохи…
жаловаться на собачью жизнь…
охать…
в прокуратуру…
«русский мат»-росов
вскармливает кровью…
инфанта…
«терри-бля!»…
сдуру…
получается плохо…
инфант не растёт…
играет в игрушки-гаммы…
но с ноты «бля»…
«Русский Мат»-росов…

устало хлебнул «фанты»…
и остановил поезд…
потом самолёт…
(все равно ведь нелётн…)…
а потом хлебнувши из Леты…
остановил планету…
чтобы сойти…
однажды становится не по пути…
и сошёл…
сума… пылится в камере найденных…
ве-щей… кажется сонная мысль…
«русский мат»-росов…
падает снегом…
с неба…
вниз…

НИКТО НЕ ПИШЕТ

Последний седой почтальон
виртуально казнён.
Но так и не выдал тайну:
ПОЧЕМУ МНЕ НИКТО НЕ ПИШЕТ
(хоть я совсем не полковник)?
Я стропальщик
аутогенной разгрузки.
Страстный любовник
двух девиц – Виры и Майны.
Любить, так по-русски!
Я зависаю на том, что выше
моей среднерусской НИЗМЕННОСТИ.
Прости…
Войти парой строк
в электронную вену с разбегу
(как Четвертый глюк ВИРЫ Павловны;
как Пятый приход МАЙНЫ Либен), -
Вы не могли бы?..

Письмами ящик не кормлен.
Осунулся.
Сгорблен…
Почтовый робот – сама игра! -
спам гоняет по кругу…
Редкий конверт долетит
до середины Днепра.
Тем более – до Южного Буга…

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ ОСВОДА

Малыш,
НЕ ЗНАЯзаконбутерБРОДА –
не суйся в воду!
А то поистине –
не войдёшь в неё дважды.
Падёшь на этой войне

маслом вниз.
Как Му-Му –
по макси-му-му
утолишь
жажду…

ЗРЯ В «ЫЫЫЫЫ»

порву бумажку с корявым...
звонить два раза звать будду...
дверью хлопну адрес забуду...
зря вы...

зря в "ыыыыы"...
тяну паузу тяну "сотку"...
тянет судьбина меня за я...
весь ожиданием соткан...
зря...

вы...
мадамыня в корень зрите ли...
виснете паузой на сносях...
вам и заложники зрители...
ах!..

зря в "ыыыыы"...
время тянет нудную ноту...
а мне корня милее листья...
помню их до ик!коты...
в лица...

разуюсь пойду по полю...
спросив разрешения у травы...
вам же лишь эхо с болью...
зря вы...
яяя... ыыыыы...

НИМБ

был твоим сердцем...
бился внутри...
миров своих ставил метки...
раз два...
раз два...
раз два...
и вдруг три...
о прутья грудной клетки...

был твоим пуль-сом...
в запястьях жил...
кровь по ночам баюкал блажил...
да отрезвел вышел из жил...
сам...

зам...
рииииииии...
на полураспятьи...
на полупроклятьи...
на полупрощении...
(по делам или поделом)...
в паузе между "чёрт" и "с ним"...
взгляни...
свечение...
НИМБ...
это я над твоим челом...

ВУДУ-ЩЕЕ

родине. с маленькой буквы

проткнёшь меня иглами взглядов
как куклу для жутких обрядов
и где-то за тридевять вздрог
нет! неверящий стих-нет
хэнд-мэйд-бог –
из тряпочек человечек
алой заплатой отмечен –
я настоящий…

(словно с цепи спустили беду
и письмо не сыграет в почтовый ящик
и онемеет лоскутик в груди)

дорогу осилит иду…
иди…

БРЕДНЕРУССКАЯ ИЗ… МЕННОСТЬ

ИЗ… влеченный плач… из… биенных младенцев… от него в твоей груди семь пятниц было пусто… и скисало молоко… мои ладони теряли лад… они и пальцы звучали нестройно… ройно… фальшивили касаясь… жалели… жалили жалостью… кому и фата лягушачьей кожей… кому саван нарядом… рядом… хоть напоследок… замечаешь как был красив…

ИЗ… в… илисто… ползёт линия… ли… не я… овраг жизни… овраг… ширится… щирится… как ты предательски прекрасен…… эй вы наверху… ху из ху… зачем вы рисуе… те всуе… те… как пьяному… руки в сторону пройди по линии… из… ни…

ИЗ… вини кого попало… боль… шая птица… каждый взмах стягивает кожу как одеяло…

ИЗ… влечение из… правил из последних сил… по ком звенит чайная ложечка… по крупинкам растворённым во времени… подсластить вечность… когда мы растаем… мы станем минутами… если опоздаешь проживи меня всласть… если не дождешься поверь… на… слово…

ИЗ… вращения вокруг… оси координат… твой язык разовый эээ… талон для проезда… в страну молчание золото… прикуси компостер… и жди музу всех контролёров… свою со… благую… весть…

Ирма ГЕНДЕРНИС
Irma Genderis

YTN

нет

ли у вас
газетной утки
шрифтом набранной нитке
однобокой коробки
полученной методом крутки
вещества перелитого в слитки
для сидящей на пробке

2009

ЙА КРЕВЕДКО

йа креведко
з.ы.

в мемориз йазык

ма-фа, ма-фа
слышу
ма-фа, ма-фа

бздура

шлангуюсь

показываю язык

2010

СТИЛИЗАЦИЯ СССР

генофонд страх
гермошлем бром
бармалей брамс

мир труд май

чупа-чупс марс

МОДЧИП

культ личности Сталина

культ члена

безвизовое пространство

в режиме online

модификация мысли

2010

АНТИГАРМОНИЯ

игрекоподобные тени инет
вмещая лучшие образцы искусства
выживания
теniподобных игреков
мечутся
в выставке
в изображениях
ликов святых констант
потраченного Даром времени

музей амальгам
магьлама йезум
вытесняет воск из пламени
бьющегося в истерических венах пропорций
симметрий
икон приединства
инство
он
но
нидеирт
«…не выдержав тяжести капель
бесценной Крови Твоей…»
порушено
ор
ш

2010

ПАДЕЖИ

именительный: рай
родительный: Рая
дательный: ай
винительный: Рая
творительный: рай
предложный: о Рае

именительный: ад
родительный: ад
дательный: ад
винительный? да
творительный? да
предложный? да

2010

* * *

о з о н а   о з ё р а

б
о
я
с
ь

восторга

н
ы
т
ь

з
в
о
н
к
о

н
е
м
о
е

и
с
т
о
р
г

м о р е

* * *

жёлтой ели
хмель
с
у
н
е
л
и
мнилось снилось
б
л
и
к

н
а

т
е
л
е
той которая не смея
о
т
л
е
т
а
л
а
на глазах
страх
прозрачного
простынь
и не смея на концах
к
и
с
т
и
снись
устами с нами
о
з
р
е
в
а
н

и
й

в
с   х
н   а
е о
б

опыт

пусть

пепла

пеплом

пепел

пусть

ь

стань прозрачь
удаляясь

ь

Валерий КИСЛОВ
Valerij Kislov

*

сколь много слов и как все условны
значения неравны и знаки неровны
смысл всякий и разный капризно иной
мутный темный но не пустой с глубиной
в тон костному мозгу стой столб соляной
а тонкости заключения в стон договора
с самим собой бой с дурной стороной
долги и дороги как для учения тора

*

пропахнувший луком и чесноком
распахан земли оживленный ком
меж диктатом канона и патом к$^{оа}/_{ао}$на
декрет фронтовой как кнутом фараона
кожу с ретивых снимая
                                        живьем
зайки звука и зэки незнайки икая
                                        мы жуем позабыв что живем

*

говорил вечер
говорил холод
рот творил гордо речи
городу городил что молод
хороводил забыв про голод
потом под тень фонарей
топотом в пот истерично
в ушах стоял резкая нота
в груди стонал мерзкое что-то
тут как вылезло как порей
и как тронуло как паровоз
и понесло без роз не эстетично
и вырвало на мороз

*

новый язычник какой там язык
сырой кусок мяса во рту
ряд неровный зубов паспарту
неловко движение прикус и рык
и вот уж немея от боли
застывает кадык
а мысль пролетает какие-то доли
секунды живет не века мни камни без воли
новый язычник какой там язык
пусть в голове гулких слов ярких образов масса
лишь порой из гортани шалея от пляса
рвется из уст вразумительный хруст
и на миг осмысленный крик

Эдуард КУЛЕМИН
Edward Kulemin

* * *

....
.........................какая ж сказка без фиаско..........................
....
............................при разночтении искрит............................
....
......................воспринимаемый как пасквиль.......................
....
.......................увы, мы вынуждены вскрыть........................
....
..........................под барабанную молитву.............................
....
.........................чтобы потом сойти на нет............................
....
.....................на каждого пришлось по литру........................
....
.........................и между прочим инцидент..........................
....
.......................но пуще прежнего Владимир..........................
....
..........................лишь только утро настает............................
....
..........................она и мертвого поднимет...........................
....
.........................один из пущенных в расход..........................
....
............................воображаемого вместо..............................
....
..........................незыблемый как сюзерен............................
....
........................приду и вырву из контекста.........................
....
............................при колыхании знамен............................
....
.......................твой внешний вид не без изъяна...................
....
............................обойму всуну и пальну.............................
....
.........................где предпочтительная рана..........................
....
.............................не соответствует всему.............................
....

А-А повернуто

в щели сочится ночь
под аккомпанемент
тело просится в шерсть
чтобы расплавить явь
надо уметь дышать
приподнимая край
камень уже не тверд
я отправляюсь вплавь

я начинаю видеть
не оставляя след
кто-то машет руками
зная что тебе можно
предусмотрев вчера
неразличимость лиц
там где наводят тень
всё ещё чья-то кожа

всё ещё на руках
книга второстепенных
для приходящих вновь
это бывает дважды
если читать с листа
думая и касаясь
чем-то отнюдь не полым
здесь остается каждый

здесь обгрызают ногти
в комнатах для двоих
слишком много углов
чтобы повременить
женщина даст воды
не потому что зной
этот песок течет
пробуя что-то скрыть

пробуя наугад
всё что не пропадет
может ещё взойти
сквозь полиэтилен
членистоногий пляс
тех кто умеет жить
по режиссуре мух
пища крылатых тлен

пищу готовят здесь
юные до угла
там где висят часы
вырвавшись из-под крыш
можно преодолеть
в этом возможно суть
если даже не так
это уже престиж

это уже не просто

для эквилибра слов
необходима связь
неба и помещений
нам осталось немного
перенести туда
под аккомпанемент
ночь проникает в щели

ночь которая будет

* * *

Над ощущаемым – петля протуберанца.

Ткань невесомостью кодирует изгибы.

Условие руки –
отстать или остаться
последствием толчка
пульсирующей глыбы.

Разгладить, чтобы смять.

…рискующие телом
в оправе сквозняка…

Коснуться и продлиться.

…лишь абрисы парят
в довлеющих пределах
насильственным штрихом
обозначая лица.

ТАКОЕ

Хроника этой недели –
Полифония руин,
Пять акробатов сомнений,
Двое взывающих к ним.

Возникновение крыши
Против желания взять.
Если я все-таки вышел,
То почему же опять...

Анекдотичный верлибр –
Ты пишешь «я» через «мы».
Тень возгорается, либо
Дно обретают холмы.

На бездорожье рейса
Игры стреноженных фар.
Стоит ли в поисках веса
Брать во внимание пар.

Как-Мн***о***го --Л***и***шних

-------------Сл***о***в---

--Л***и***ц-----------------

-----И-Облак***о***в--

---**!**

МОЙ ДРУГ

А.П.

*мор**о**з весьм**а** хор**о**ш под в**о**дку*

Когд***а***
Б***о***дроШурщ***у***ющий
Шё***л***ся Он
С
К
В
О
З
Ь
Тылов***о***й Чел***я***бинск
В Д***е***тство Войн***ы***

Когд***а*** Д***у***мался ***:***
Х_й При Слов***а***х
Или
Слов***а*** Пр***и*** Х_е ***?***

И Др***а***ться Ег***о*** Высокор***о***дие И Тс***я*** Одур***е***в Л***и***шь Бы Побежд***а***х

*и чт**о**бы в**е**тер в р**о**жу д**у**л*

Иван САПКОВ
Ivan Sapkov

*****(киношное)**

да не я ли
данелия?

из
го ро да
го да ра
до го ры
до ро га
ра ду га

***

слова в слова
прова-
лива-

***** (выпадающие буквы)**

Себя
протесть
протест(ь)
про(т)есть.

***** (выпадающие буквы)**

Не сме(р)ть!
Не сметь!
Не см(отр)еть!

***** (выпадающие буквы)**

в_нос. вынос.

***** (выпадающие буквы)**

ищу девушку и д_вушку.

Владимир МАЛЬКОВ
Vladimir Malkov

* * *

Все слова тебя забудут
перечеркнут переулок
а в домах не будет окон
все ушли
За поворотом
было небо с облаками
Ослепительные чувства
притупляются по капле
Просто память и деревья
рядом школа рядом камень
Перевернута страница
и подземными ходами
пробираются сквозь числа
птицы с белыми глазами
Пролетают над дорогой
грибники
Невольник чести
усыпляет санитарку
наркотическим раствором
Санитары сняв халаты
сняв рубашки
цветом тела
начинают все сначала
и хотят Адама с Евой
На столе святое сало
И под музыку Вивальди
из-за штор выходит тайна
в скромном ситцевом халате
Шок и трепет
Детский выбор
Погремушки правят миром
и на встречу с президентом
ходят траурные тени
Мы не можем жить как прежде
но живем
и этим кругом
закипает крик кромешный
и течет река из водки
Поцелуй из героина
долго ль коротко ли только
все пронзительные чувства
вновь перемешались с болью
Рестораны и траншеи
Педагоги и связисты
Потерпи
ответ неверный
если ты уже не видишь
Если конная подвода

из-под города Тамбова
привезет не символ веры
и не ключ от небосвода
а кусок туманной мысли
словно сложены без страха
все таинственные числа
и горит огнем рубаха
Словно мир червями слышит
смотрит выдохом без вдоха
и ребенок еле дышит
Скоро сдохнет…

* * *

Королевская память не знает границ
Разноцветные цифры приходят и ждут
что появится слово на стыке страниц
и объевшийся желудь умрет от тоски
Что придворные страхи закроют глаза
вновь на ощупь пройдут от весны до весны
и очнутся личинки от вечного сна
и распустятся почки в движеньях руки
Кто-то скажет - Не верю! и выпьет весь яд
за себя за других за священное небо
Землекопы при этом на дно улетят
и умрут как и жили, умрут на коленях
В доме праздник лепешки вино родником
за губами по-прежнему прячется окрик
через миг этот пир унесет сквозняком
на Бермуды и всех поглотит треугольник
Только Чавес единственный новый святой
будет спорить с Вседьяволом страстно без страха
потому что в глазах его светится боль
разгадавшая тайны загробного царства
Потому что из каждого выйдет душа
и однажды пройдет по Арбату с гитарой
и споет все что знает и выпив вина
улыбнется и тут же от счастья заплачет
и другие все души за ней полетят
чтобы спеть о любви в глубине мирозданья
и от радости той голубая земля
все отдаст воскресив мертвецов на прощанье
Разгадает все тайны все вещие сны
и на память о нас подытожит рассказы
что останутся в линиях нашей судьбы
в тех бездомных что просят еду на вокзалах…

* * *

У моря оставим глаза
пусть лежат
Привыкают к соленому ветру
наверно
кому-то
о ком-то

опять невпопад
или встать
чтобы слезы упасть побоялись на землю
На этих просторах кричит тишина
пульсирует мозг
испаряется кожа
на реях висят чуть живые слова
и просят простить неразумного Бога
Холодное утро
подошвы скользят
ночная змея выползает наружу
Мерцание ветра и бал маскарад
изгиб отражений в лучах перламутра
Настольная лампа согнулась в поклон
прижалась к щеке догорающим кругом
Ребенок воспитанный стаей ворон
пришел в этот мир
с ослепительным клювом
и долго в потемках искал сам себя
и долго такая стояла погода
что листья открыли секрет янтаря
и этот янтарь пропитал этот город
и город пошел по следам муравья
Он замер в смоле остановлено сердце
И только молчанье смотрело в меня
и все не могло на себя насмотреться
Короткое эхо пронзительный взгляд
Деревья в объятьях земли плодородной
Лишь детские шарики в небо летят
так просто летят что холодные звезды
уже ничего от тебя не хотят
Не бойся…

* * *

Третьего дня потеряли второго
После короткого вдоха
дорога
Время идти и заглядывать в окна
взором искать все что сказано словом
Тенью цепляться за вечные чувства
Плащ утомленный
Красивые туфли
Щеки с пунцовым зигзагом болезни
Этот ребенок для чувств бесполезен
Станет он буйволом здесь же и сразу
траурно кружится черная сажа
Дышит надрывно земля через небо
думает ниже чем дышит
при этом
Словно две крови в одной
словно сердце
нежно коснется ресницами ветра
будто мозаика словно осколки
Пьеса расставит героев по полкам
Будет упрямо искать свое время

Губы
Стихи
Пересохшие вены
Черная боль и полет после смерти
Крылья молчат словно мудрые черви
Друг что хранит фотографию друга
Парк
Скейтбордисты
Два выбитых зуба
Реки слюны
Языки с плавниками
Трупы распухли
Наживки с крючками
И неизменная гладь монитора
Дети вы спите?
Заснули нескоро
Четки минут
На экране картинка
Это не анус
не сладкая дырка
Это молчанье и слово и милость
и бесконечность всего что случилось…

* * *

А вот и все сбудется
наяву
Выбери самое близкое
положи на листок бумаги
заверни
и кулечек искренний
принеси взволнованной маме
Успокой
Ты же рядом
Потерпи и все сбудется
чай заварен
троллейбусы кружатся
этот танец
тебе
Кажется что земля повторяется
возвращается в те края
где мама моя появляется
из мамы своей
криком плавится
и я появляюсь
невидимый
вместе с ней
Собака у самых дверей
Двери в войлочной раме
Снежинки
Светло
А то и прямо по краю
да в первое попавшееся окно
чтобы там играть на рояле
перемещая таинственный страх
из дальнего земляного холма

прямо в точку
прямо в твой шаг
А после дерево вырастет
Сверху вниз
и будет давать плоды
яблоки или груши
На молнию застегнись
и слушай себя самого
и прости себя самого
и прощай себя самого
до тошноты
до просветления черной воды
до сто первого городового
Круг замкнулся в квадратной груди
на площади Льва Толстого
в городе Достоевского…

* * *

Однажды откроется дверь
а за ней
все те же деревья
живут из корней
Из черного чрева
чревата земля
и губы накинут петлю
на меня
Холодная блестка
крылатая тля
надкостница гнется
крошится ступня
Случайный мазок босиком
по воде
Кончается строчка
Абзац
Дефиле
Во имя спасенья
терновый венец
Отрезано ухо
Ван - Гог
Молодец…

Марк ЛЯНДО
Mark Lyando

*

Июнь, Июнь!..

Сирени дух так юн
И сколько же промчалось зим и лет
Ты сед!..
Зачем тебе сирени свет?
И дух,
Рисующий, где синева -
слова
Весенних рун?
Иль с ним -
ты снова юн?...

*

Не забывайте
Селений сирени,
Оленей сирени,
Велений сирени -

Весенних, весенних!..

*

Какие, спросишь, новости, дела?
Халамбала, скажу, халамбала!
Нам не исправить халабуду мира –
Пей чай, скажу, вот пряники, халва.

ЧАША МОЛЧАНИЯ

АША ЧАМОЛ ЧАМОЛ... И Я
ЧАМОЛ ЧАМОЛ АША И Я…
НОЧИ ИЧОН ЧАМОЛ НОЧИ...
… ЧАМОЛ ЧАМОЛ АША…

И

ЛИСТЬЕВ ВЕТСИЛ ВЕТСИЛ
ЛИСТЬЕВ…

СНЕГА НЕГАС … НЕГАС…НЕГАС …НЕГА…
И ЛЬДАЛЬДАЛЬ…ДАЛЬ…ДАЛЬ!

НО НЕТ УЖЕ ДАЛИ
И БУДТО В ПЕЩЕРЕ
В БЕЗЗВУКЕ   В БЕЗСВЕТЕ - -

ЕРЕЩЕП…ЕРЕЩЕП!…

КОГДА Я ОДИН МЕЖДУ ТЬМОЮ И КАМНЕМ
!…
ИЛЬ КТО-ТО ЕЩЕ ТАМ?!
А КТО-ТАМ? А КТО-ТАМ ?
А ТОТА?… А ТОТА?…
……………………
ХОТЬ КРУЖКУ ВОДЫ
И СВЕТЕЦ С БАТАРЕЙКОЙ
КЕЙРАТАБ! КЕЙРАТАБ!…
НО СТЕНЫ И СТЕНЫ И СТЕНЫ
ИЗ ГИПСОВОЙ ГЛЫБНОЙ ..ПОРОДЫ ,
ГДЕ РАКОВИН И РАДИОЛЯРИЙ
В КАРБОНЕ,В МЕЛУ ЛИ
ИЗНИКЛИ НАРОДЫ !…

ГДЕ НЕТУ НИ ТЕНИ
ТРАВИНКИ
НИ ТАЙНЫ НИ ТИНЫ ВСЕЛЕННОЙ !
…. НИ НЕБА УЖЕ
И НИ НЁБА

ИЛЬ ЭТО - ОБВАЛ МЕГАТОННОЙ
СКАЛЫ НЕБОСКРЕБА?….
…………………………………………
И ТЬМА
МИНОТАВРОМ:

- АМТ …АМТ!
МОРВАТОНИМ!……
……………………………………
…………………………………..
НО ЧУ ! СВЕТОНИТЬ -
ТИНОТЕВС -
В ГЛУБИНЕ - В ГЛУБОБЕЗДНЕ
МОЕЙ,ХОТЬ МЕНЯ УЖЕ НЕТ!-
ОТДАЛЕННОГО

ПЛЕСКА …
О МОЛ - ЛОМА МОРЯ?

ЯРОМ,ЯРОМ МОРЯ !
О СОЛЬ, О СВЕТ
МОРЯ!

И В ЧАШЕ МОЛЧАНЬЯ

ЗАРДЕЕТ КАК В ТУЧАХ ЗАРНИЦА,
ЗАРЕЕТ! -

ПЛЕЧЕЙ ОЗАРЕННЫХ ТВОИХ ВОЗРАСТАНЬЕ
ВДОЛЬ СИНЕГО РОМА МОРЕЙ!

И РУК ЭТИХ ПЕРИСТЫХ -
ЧАЕК ПРЕСВЕТЛЫХ
КАЧАНЬЕ!
И ВИЖУ
ОЧЕЙ, ЙЕЧО, ЙЕЧО!

НАД ЧАШЕЙ -

ЯРОМ ЯРОМ…МОРЯ!….

ОЧЕЙ ТВОИХ ВЕЧНЫХ
СИЯНЬЕ!…

ЛУН - ДЗА – ДЗЕН

Ай, Токку, Дзиттоку +
Смеется луне
Он выпил стакан
И смеется луне.

Но вовсе не хмелем
Дзиттоку здесь пьян!
Он света луны
наливает в стакан!

И снова Дзинтоку
Смеется луне
В блестящей как снег
Облаков пелене!

Лунаолунаолунаолуна!

Душа моя пляшет в тебя влюблена!…

…Ты что, олуненый
хохочешь с луной ?
О чем разговариваешь с пустотой?
Катись - ка отсюда,
всех кур распугал!..

А он в бледно-радужный
облак овал
Глядит и поет
светолунный Пьеро
Кружась над холмами
Как в ветре перо!…

О Лилия – лу!
О, богиня Луна!

Как ты холодна
Но воздушно – мила!

Давай-ка мы выпьем скорее
до дна
Весеннего света
с тобою луна!

И бубен возьмем и возьмем сэмисен
И здесь распростимся навеки

со всем!
Помчимся к Канзану - отшельнику с гор
И будем свободны
как ветер с тех пор!…

Нас гонят и пусть
мы уйдем от людей
И станем светлы как полет лебедей!

Дзиттоку дзиттаку
Дзинь –таку, дзитак!

О как же поет и танцует он как!

Как дернутый дервиш
Блаженный юрод
Обнявши луны
озаренный живот!
Свеченьем пролит
До темна, до пьяна

И мчит с ним
Поюна – баюна
– луна!…

В венчальных цветах
он возносит стакан

Луной и свободой
Восторженно пьян!…

Дзиттоку, Дзиттаку
Бродяга Дзитток!

А ветер звенит
как миллион караок!

И пляшут с ним звезды
и весь небосвод
Он в Дао чистейшем
Безбрежно живет.

+ персонаж японского фольклора

*

Бесконечность
Вечноночесть
Звездозрачность.

2006 г.

Валерий ГАЛЕЧЬЯН
Valerij Galechian

психология безумия

разбил банку варенья
пропала книжка
совсем повредился умишком
стр д
а
нности
вылечу трудами
фу
ко
лег
история историй событий
случайного распределения рассеяния
у
силий
бес
по
зорного
безнад
бессознательного
ск п
р
ы я
в ч
аю у
щ
егося
о
т
на п
к р
а и
з
н
а
ния
биовласти
дисциплиной
у
мерю
при
постоянный
трансисторический
тела контроль
получит
на о и
рех
в г е
т д
с а ности
ексу ль
признается
пред властью-познанием
без гра
ниц
падет
про
под боем
ск
лянки

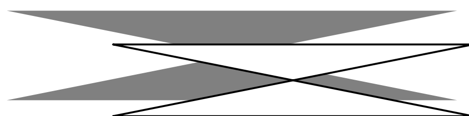
гу
забудет
на
век
чело
новый во мне
ро
дится
насла
становлением
со
знательным
при
станет
не подведет
обормот

080313

критика философии

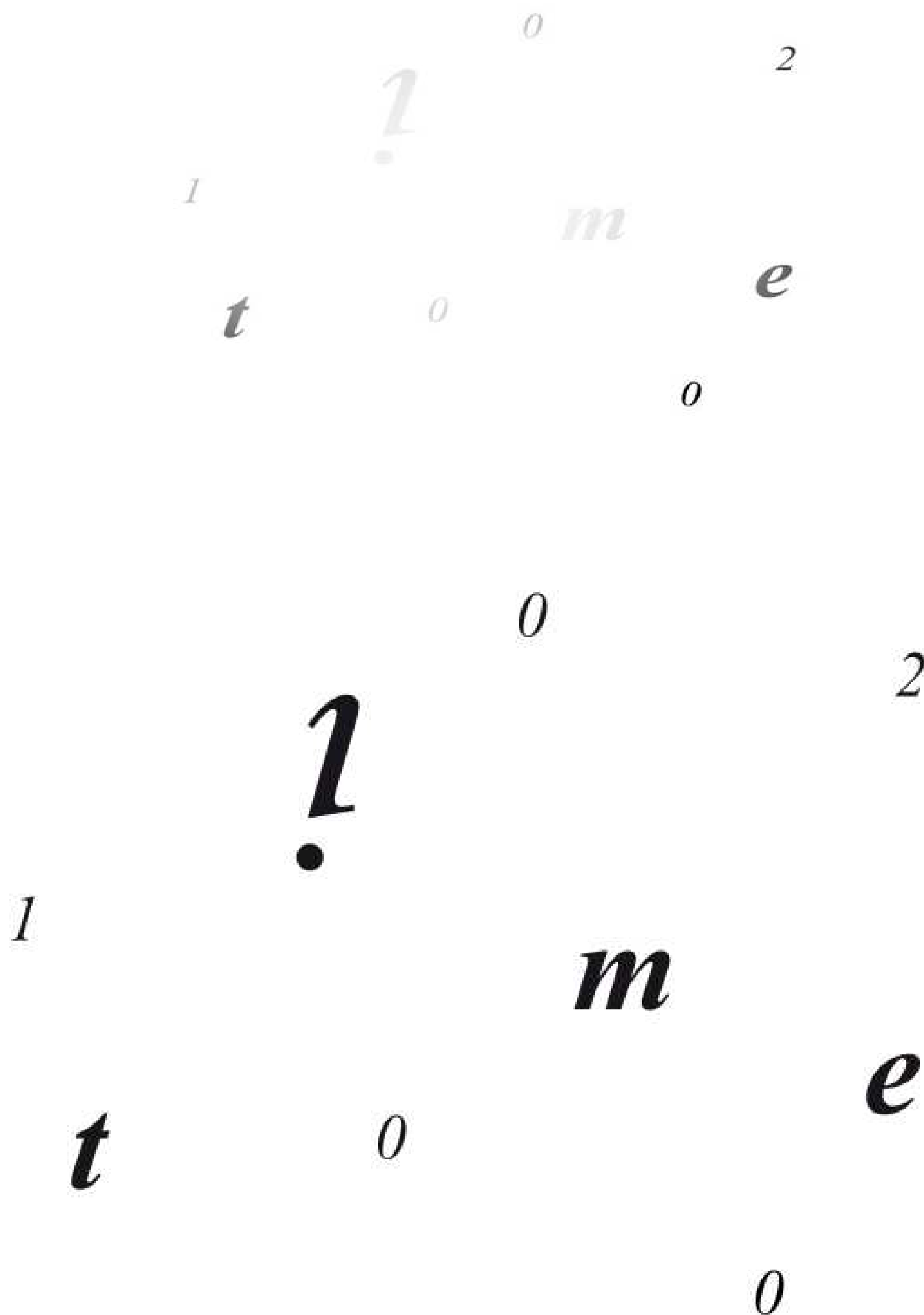
некий умозрительный подход
некоего индивида
без зримого вида
собственного
вы
ражения
от
уничижения
полон препон

080921

VISUAL POETRY

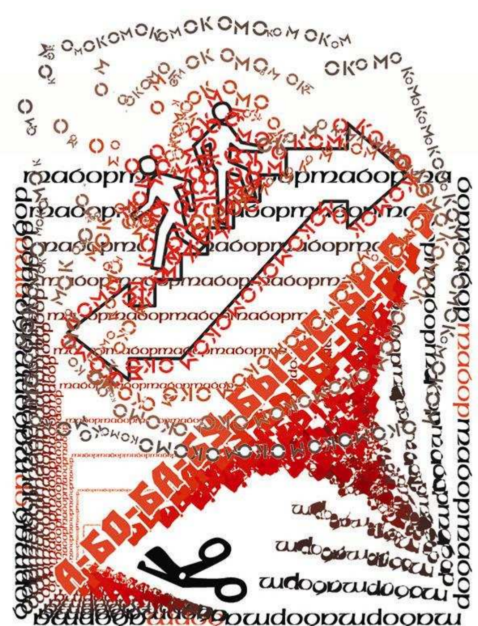
Heike FIEDLER
Хейке Фидлер

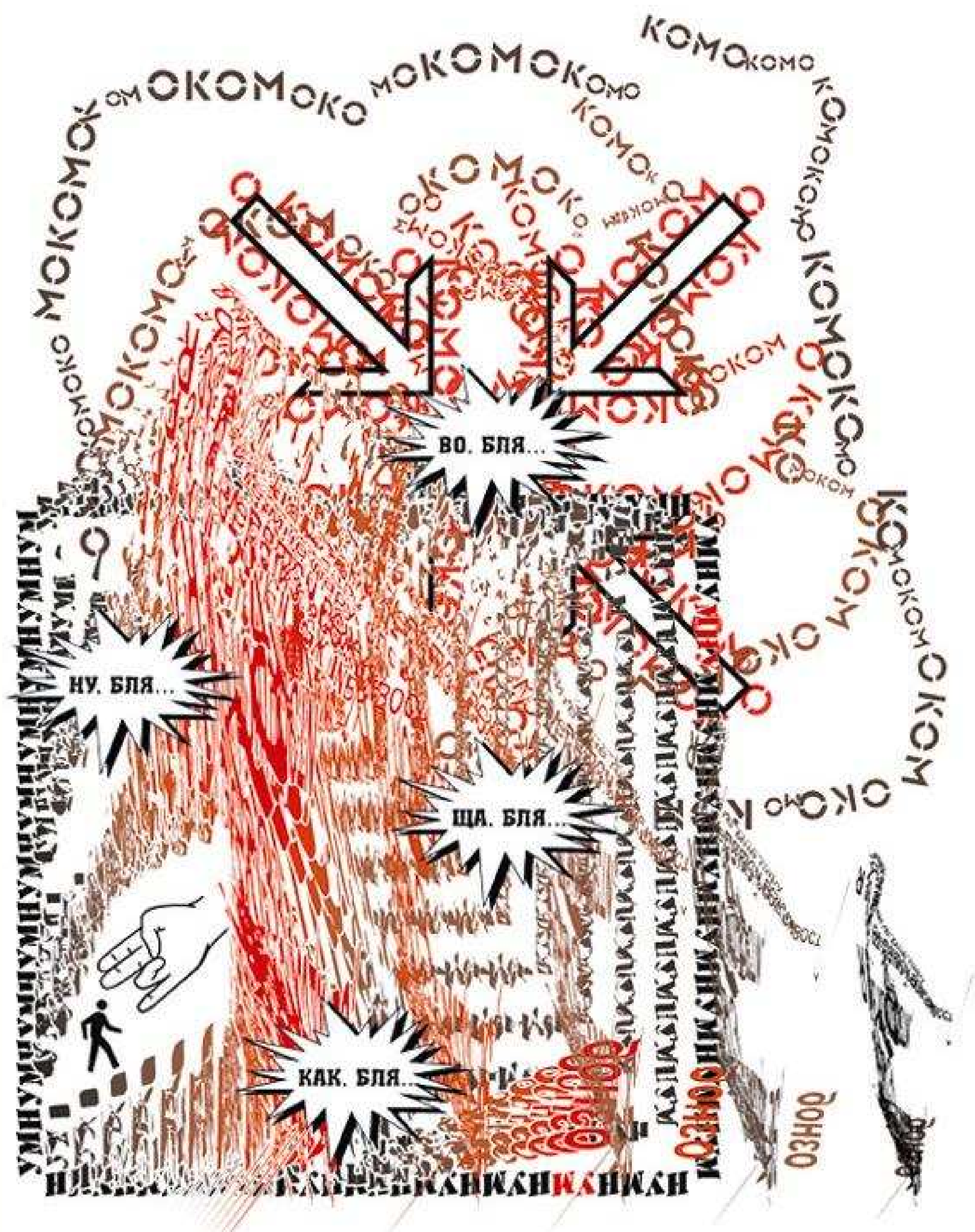

Эдуард КУЛЕМИН
Edward Kulemin

ИЗ ЦИКЛА «КОММУТАЦИЯ»

ВО. БЛЯ...
НУ. БЛЯ...
ЩА. БЛЯ...
КАК. БЛЯ...

Эдуард Кулемин
“Жертвоприношение”

Эдуард Кулемин
“Флаг и парус”

Елена КАЦЮБА
Elena Katsuba

ОДУВАНЧИК

ДОЖДЬ

сЛезам откройся,
дверь сокровищ
сердечных,
а ума палату
пусть опечатает сургуч
в окне расплавленного солнца

КВАДРАТ В КВАДРАТЕ

птица щёлкала клювом
измазана клюквой
ты щелкалА'! мне,
птица
ты щелкалА'! МНЕ!
синица.

вот и примерзла
царапаешь когтем эмали наледь
НИ ПЕРЬЕЙ!
НИ ПЕРЬ ЕЙ!
НЕ УЛЕТЕТЬ.

Левцафан

– молчи
молчу –
– молчи, ты мышь, молчишь?
// –

– мой левитан, молчи!
// –
– молчишь

ОСЬ

На всех
столбах столбах
до ро ги

ПО ВЕНКУ

попозвонку

попозвонку я выпущу беззвучную

слюну

Рим Токио Берлин

Пропасть чужих слов

постамент постовой

паста

после падения – пропасть

пастор

на дне

пастила пастила пастила пастила пастила

п××××сть постановка

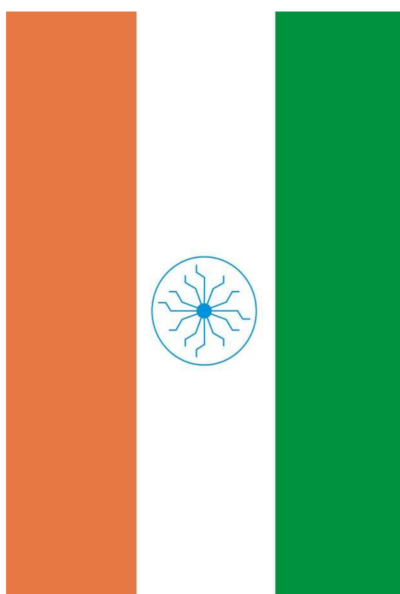
чужие слова

Цыганский флаг

Бразильский флаг

Индийский флаг

Михаил ЕВЗЛИН
Mikhail Evzlin

Спор Бога и Змея

(сценка из доисторических времен)

от издателя

Публикуемый папирус был найден совершенно случайно и без всякого намерения уэльским любителем зоологических древностей (он охотился на крокодилов) в нильской местности по названию Хаг-ва-Мудди. В результате достойных умолчания перипетий манускрипт оказался в руках тайного агента парсов-гностиков Адсо Сильвеструса, который склеил распадающиеся листы и перевел восстановленный текст со средне-копского на нижне-тирольский, восполнив своими учеными домыслами некоторые особо зияющие места, после чего он был опубликован в

эзотерическом (а посему малодоступном) обозрении «Антропосы и Антропофаги» (n. 777). В своем переводе на поздне-русский мы пользовались рукописными комментариями знаменитого туринского раввина Abramo del Ferro, почитаемого японскими ягвистами как последнее и наиболее совершенное воплощение будды Амиды, а также устными пояснениями самого Адсо, которого мы посетили на одной священной горе верхнего Тибета специально с этой целью.

Этот текст относится к весьма популярному в первых югах всё еще длящейся махаюги жанру эрото-гностической мистерии, но даже на нездоровом фоне самых дерзновенных ее откровений он производит душевно-телесное содрогание, переворачивая все наши представления, даже самые фантастические, о грехе и творении. Строго говоря, для нашего автора не существует ни греха ни творения, а только единое событие, которое можно было бы очень приблизительно определить как грехотворение. А посему не грех есть следствие творения, а творение – следствие греха, который вовлекает в сферу своего действия всех присутствующих персонажей, актуализируя в них демиургическое качество, выявляя свою сверхгреховную сущность, раскалывая, как орех, первонаначальную замкнутость, хотя и безгреховную, но пустую и бессодержательную.

Совершающееся мистериальное действо приоткрывает тайны творения, как Ева свое соблазнитеное плечо, которые почти сразу скрываются за архангельскими крыльями, разукрашенными мистическими кругами и масонскими треугольниками. Но как раз благодаря этим самым магическим знакам, мы незримо переносимся на пространных крыльях ангела *по ту сторону* несущественности, созерцая Священную Драму Бытия, которая разыгрывается за этой небесной оградой.

Л и ц а :

Бог
Змей, очень наглый, весь в черно-желтых пятнах по последней моде.
Адам, в одной только шляпе.
Ева, едва одетая.
Маэстро Леонардо, в очках и шубе.
Архангел Михаил, с крыльями и без слов.

Д е й с т в о :

Бог (посреди сцены): требую главной роли!
Змей (выползая на сцену): протестую! Главная роль в этой комедии, которую собирается сочинить маэстро Леонардо, полагается мне.
Маэстро Леонардо (с удивлением): Я вовсе не собирался сочинять комедию, а Драму Творения Мира.
Змей: тем более, ведь это я сотворил мир.
Бог (в гневе): негодяй! Где же этот мир, который ты сотворил? Я ничего не вижу.
Змей (насмешливо): открой глаза, ведь Ты, как кое-то утверждает, – всевидящий.
Бог: Как Я могу видеть то, что не есть? Ведь мира нет, потому что Я его еще не сотворил.
Змей: вот-вот, Ты сам признаешь, что Ты его не сотворил.
Бог: вот Я сейчас сотворю.

Бог творит Адама.

Адам: voilà! какая неожиданость! Я вовсе не ожидал, что меня так скоро сотворят. А где же Ева?
Змей: в самом деле, где же Ева? Без девы не то что драмы, а даже самого пошлого фарса не сыграешь. Maestro Leonardo, сотворите, пожалуйста, Еву.
Маэстро Леонардо: с удовольствием, но я не могу творить, стоя на этой хляби. Господин Бог, будьте добры, сотворите мне основу.
Бог: вот вам основа, но предупреждаю Вас: вы рискуете потерять голову.
Адам: не беспокойтесь, маэстро, я одолжу Вам мою шляпу.
Маэстро Леонардо: благодарю Вас, mon ami.

Маэстро Леонардо творит деву Еву.

Ева: какое скверное местечко! Что за обстановка! А этого типа, что с пятнами (указывает на змея), надо отдать в химчистку.
Змей: глупая баба! Ты ничего не понимаешь.

Ева: а что, по твоему, я должна понимать? И кто ты такой?
Змей: Я – тот, кто дарует плоды блаженства.
Ева: и что же это за плоды и какое от них блаженство?
Змей: вот сейчас увидишь.

Змей творит рай.

Бог: протестую! Это не предусмотрено сценарием.
Змей: следовало бы предусмотреть, ведь Ты – Бог.
Бог: эта декорация представляется мне излишней, ведь Я не намеревался творить Еву.
Змей (ехидно): и в самом деле: ее сотворил маэстро Леонардо.
Бог: он – поэт, а поэтов предусмотреть нельзя. Вот посмотри: он уже без головы.
Маэстро Леонардо (без головы и очков, но в шляпе, распевая песенку):

дева Ева
дам Адам
а дам не вам

Адам: маэстро, отдайте мою шляпу и возьмите свою голову.
Маэстро Леонардо (продолжая): что день грядущий нам готовит?
Бог: ничего не готовит: Я не создал еще соответствующего светила.
Ева: в самом деле, здесь ничего не видно.
Змей: сейчас всё устроим, my fair lady (обвивается вокруг талии Евы, облизывая ее руку от открытого плеча и ниже раздвоившимся от страсти языком).

Зажигается электрическая лампочка, которая освещает сцену, обнесенную плетенной изгородью, но без всяких других украшений.

Ева (обращаясь к змею): и это ты называешь раем? А где же дерево с плодами блаженства?
Маэстро Леонардо: плод блаженства, ma chère, в твоих нежных промежностях и мягких округлостях. Поделись им со мной, и я произращу для тебя всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, которое скроет твое блаженство от нескромных глаз, а сама ты будешь называться розой познания.
Ева: маэстро, вы меня интригуете.
Адам (в недоумении): я ничего не понимаю. Эти конспираторы явно исключили меня из интриги.
Бог: Я все вижу! Я все знаю!
Змей (шипя): а это мы еще посмотрим, señor Sava-of.

Слетает с неба Архангел Михаил и закрывает сцену своими широкими, как зананавес, крыльями, расписанным красно-синими кругами и треугольниками.

Евгений ТЕЛИШЕВ
Evgenij Telishev

СВИНОМЕТАТЕЛЬ -2

В дневниках 1914 г. Людвиг Виттгенштейн называет подчас прожектор (Scheinwerfer), у которого он нес вахту, свинометателем (Schweinwerfer).

Действующие лица:

Людвиг Виттгенштейн - доброволец
Рульке - капитан “Грезы”
Вурст - боцман того же судна
Маргарита – посудомойка
матросы «Грезы»
Клосс, Иван - русский офицер младшего чина, топограф
Русские солдаты – несколько десятков человек

1914. Осень. “Греза” - патрульное судно на одной из восточноевропейских рек. Действие в основном происходит на его палубе.

СЦЕНА 1

“Греза” на якоре неподалеку от заросшего камышом и остролистом низкого берега. Доброволец Людвиг Виттгенштейн доставлен к ее борту утлой лодчонкой, нанятой в близлежащей деревеньке. После почти получасовых криков, которые усиливались сложением рук рупором: “Прибыл доброволец! Спустите трап! Есть кто живой?” на палубе замаячил фонарь, а через минуту невидимый (было заполночь) фонарщик, а, может быть, кто другой, выбросил веревочный трап, по которому, бросив крону перевозчику, вскарабкался наш герой. Его встретил капитан. Представились. Рульке бегло просмотрел предьявленные новоиспеченным воякой бумаги (без фонаря, уже упомянутого, осуществить сию операцию было бы затруднительно, если вообще не невозможно) и сказал буквально следующее:

РУЛЬКЕ - Имбирь, патока, героин - всего этого в трюмах нашей “Грезы” в избытке. Это не тайна ни для кого, а теперь и для Вас, вольноопределяющийся. Я – Рульке, можно просто Вилли , капитан этой посудины. (Стучит для пущей убедительности о палубу каблуком.)

ВИТТГЕНШТЕЙН - Так точно!

РУЛЬКЕ - Вы не спрашиваете, к чему нам вся эта экзотика? Вместо патронов и бомбард? Садитесь, вольноопределяющийся. (Указывает на канатную бухту и, как бы подавая пример, садится на другую).

ВИТТГЕНШТЕЙН (садится, что-то неразборчиво отвечает)

РУЛЬКЕ - Да, ты прав (освещает фонарем бумаги)... Людвиг. Давай на ты, Людвиг. Ты скоро все поймешь. Все равны перед мосинским патроном. Прошивает любые мозги, шинели, сердца - эти комки мышц... Свинец - редактор цивилизации, Людвиг, Главный элемент. Он все решает, вот где эсхатология, друг мой, ариец. Сатурн, это главная планета. Не близко, согласен. Ему все равно. Сатурн, повсюду Сатурн, пожирающий свои доверчивые

порождения. Они попались: возомнили, что видят, живут... Русские падки на патоку... Поторговываем, меняемся. У всех нас свой гешефт, свой киндер...

ВИТТГЕНШТЕЙН - Я... неженат.

РУЛЬКЕ (кричит куда-то в трюм) - Маргарита!..

Из трюма доносятся скрип рундуков и стоны.

РУЛЬКЕ - Она занята, Людвиг, у ней дела. Все проходит... Дела, Маргариты... даже то, что все проходит, проходит. Тебе этого не понять. Маргарита –моравка. Ты слишком молод. Сколько?

ВИТТГЕНШТЕЙН - Двадцать пять.

СЦЕНА 2

Та же палуба. Утро. Вурст и Виттгенштейн у странного сооружения на самом носу “Грезы”.

ВУРСТ - Это свинометатель, Людвиг. Вот рычаг. Сюда кладешь свинью. Это самое трудное. Свиньи патологически умны и изворотливы. Для русских отбираются самые жирные свиньи, их не ухватишь. Это как тело без органов, полное, самодостаточное. Придется приноравливаться. Вот крючья. Вот четыре, нет, пять, петель. Здесь закрепляешь. Сюда - рылом, задница - здесь. Не перепутай. Это важно: угол раскрутки не тот. Свинья может вернуться, как бумеранг. Тогда нам всем не поздоровится. Старушка “Греза” не перенесет второго свиного тарана.

ВИТТГЕШТЕЙН -?!..

ВУРСТ - Да, было дело... Свинья вернулась. Грот-мачту как ножом срезало. Теперь без нее плаваем. Убило шестерых(снимает шапку): Лотар... Мориц... Рольф... Мартина еле от палубы отскребли... – в лепешку... Да что Мартин! (Одевает шапку, в сердцах) – Кок погиб... (Трет загорелым кулачищем глаза.) Тойфель!.. Феликс, мальчик мой... Где-то ты теперь?.. (Вынимает из-за пазухи, вперившись в него, фото в резной деревянной рамочке.) Его любили, все, даже Рульке. Ты пойми (доверительно берет добровольца за плечи, не отрывая слезящихся глаз от фото) – кинетическая энергия свиньи равна ее массе... (голос видавшего виды моряка вновь прерываеся еле сдерживаемыми рыданиями) массе... (берет себя в руки, прячет фотографию) помноженной на скорость... и еще раз на скорость. Все математики – евреи, не мне тебе об этом говорить, сынок. Но тут они, похоже, правы. (Устало садится на канатную бухту.) Начальная скорость свиньи на выходе из свинометателя где то 150-160 английских миль в полторы – две секунды. Англичане, к слову, тоже евреи, все, как один... А когда эта тварь возвращается...

МАРГАРИТА (полувысовывается из трюма, с нескрываемым любопытством смотрит на Л.В.) - Новенький, Вурст?

ВУРСТ - Возвращайся к своим мискам, моравская курва. Что уставилась, бесстыдница? Это вольноопределяющийся Виттгенштейн. Он будет на свинометателе. Я ввожу его в курс дела. Не вздумай отвлекать его, особенно по ночам. Ты хочешь, чтобы мы проиграли войну, сучка?... Итак, когда свинья...

МАРГАРИТА (не спуская глаз с Л.В.) - какой хорошенький... (исчезает в трюме)

Виттгенштейн краснеет.

ВУРСТ - ...Когда свинья в грот врезалась , Феликс аккурат на камбузе был, кашеварил. «Грезу» так тряхануло, что все рундуки с винтов посрывало к тойфелям, друг мой Людвиг... Парнишка не устоял. Нырнул вниз головой, с колпаком вместе, в котел. Где, между прочим,

кипел очередной оксеншванценсуппе (oxsenschwanzensuppe– суп из бычьих хвостов. нем. прим. Ред.), комрад. Ты, наверное, хочешь знать, где мы берем хвосты?

ВИТТГЕНШТЕЙН (отдав честь, подтянув портупею) Так точно!..

ВУРСТ – Ты мне нравишся, Людвиг... Нутром чую – ты создан для свинометания. Что до Феликса... Его мать слепая. И глухая к тому же. Оба недуга – так гласит семейное предание - врожденные, я не шучу. Честь и хвала матерям, поставляющим мясо... пушечное мясо... Нет, не так... Не помню... Проще говоря, старуха не видела и не слышала, как ее чадо уволокли на восточный фронт. Отца годом раньше растворили в ванне с соляной кислотой. За неблагонадежность. По приказу эрцгерцога, царствие его высочеству небесное!.. Он был скорняком. Не эрцгерцог, а отец... Отец Феликса, а не эрцгерцога... Так вот, отец Феликса попался на презервативах. Препятствовал производству истинных арийцев. Тачал их – не арийцев, разумеется, а презервативы - из поросячей кожи и сбывал в ближайшем борделе. Свежевал новорожденных свинок, скотина... У них кожица тонкая, как лепесток...

ЛВ сильно бледнеет, вынимает из нагрудного кармана белоснежныи носовой платок, снимает фуражку, вытирает пот со лба, одевает фуражку, прячет платок.)

ВУРСТ – А Феликса мы с'ели, дружок. На войне как на войне. Все были злы и голодны.Он успел хорошо провариться, пока мы Мартина скребли. Назови нас каннибалами, если тебе от этого полегчает.

ВИТТГЕНШТЕЙН (Робко, прикрывая рукою рот) - А хвост? Откуда он, геноссе Вурст?

ВУРСТ - Хвост... Хвосты мы выменяли у Клосса. За пару серебряных ложек. Не пустых, разумеется... Героин у нас превосходный, двойной, а то и тройной перегонки. Но хвосты того стоят... Где русские берут хвосты – никому неведомо. Думаю, что даже ихний царь...

Л.В. блюет прямо на свинометатель.

ВУРСТ (хлопает вольноопределяющегося по обтянутой серо-зеленым сукном спине) - Ну полно, полно, малыш... Ихний царь не контролирует ситуацию. Он, говорят, совсем забросил дела и все время посвящает молитвам. Русские – идолопоклонники. Царю морочат голову шарлатаны, а царицу он упек на Чукотку – в самый дальний из русских монастырей.

ЛВ постепенно приходит в себя, опять вынимает платок, тщательно вытирает рот, но все еще очень бледен.

Маргарита снова полувысовывается из трюма.

МАРГАРИТА (Вытирая тарелку полотенцем) – Вурст! Русских давно не было. Куда они подевались? Что, война закончилась? Я соскучилась по Клоссу, Вурст!

Сует тарелку и полотенце под правую мышку, опускает корсаж, обнажает левую грудь, и левой же рукой мнет розовый, вздыбившийся сосок. (Тут, казалось бы, самое время порассуждать о символике правого и левого. Но мы не будем этого делать.) При этом девушка театрально закатывает в мнимом экстазе голубые, как небо ее родной Моравии, глаза.

ВУРСТ – Сука!..

Он в ярости. Оглядывается в поисках чего потяжелее, дабы запустить им в безнравственную посудомойку. Палуба, однако, безукоризненно убрана. Разгневанный боцман предпринимает абсурдную и, разумеется, тщетную попытку оторвать что-нибудь от свинометателя. Потом выхватывает из-за пазухи фото покойного кока, замахивается, но все

же не решается запустить в девушку дорогим изображением. Маргарита в притворном страхе прячется за кромкой люка. Слышен звон разбитой тарелки.

ВУРСТ (Подходит к люку, вглядывается нагнувшись и широко расставив ноги в просторных матросских шароварах в темное жерло. Злорадно.) – Два шиллинга! Два шиллинга пятнадцать раппов! У нас не так много тарелок!..

И что Вы думаете? С Маргариты как с гуся вода. Как чертик из табакерки, она вновь наполовину возникает из безукоризненно круглого люка. Круглые груди на этот раз полностью обнажены.

МАРГАРИТА – Я скучаю по Клоссу, Вурст! (Энергично мнет и оттягивает сильно эрегированные соски.)

Вурст вне себя. Размахивая, но не теряя ее из виду, фотографией Феликса, наш боцман, за неимением лучшего орудия, извлекает на свет божий свой немалых размеров пенис. «Зачем?» - спросит озадаченный читатель. Отвечаем. Чтобы отхлестать негодницу по щекам, по щекам!.. По румяным моравским щекам! Неудивительно, что член боцмана вскоре твердеет, а Маргарита закатывает от удовольствия глаза так, что видны только молочно-белые белки.

ВУРСТ – Ты заплатишь, ты за все заплатишь!

МАРГАРИТА – За платье, за платье!.. (Большим влажным ртом, трепещущим языком, жадно ловит дождь, пролитый Вурстом. Насытившись, ныряет в люк. Шум воды, звон посуды: Маргарита вернулась к своим прямым обязанностям.)

ВУРСТ (Возвращаясь к ошарашенному Людвигу, застегивая штаны) - Она плохо моет, Мартин...

ВИТТГЕНШТЕЙН – Людвиг, герр Вурст...

ВУРСТ – Н-да,.. Людвиг... Мы взяли-таки эту сучку на борт, заместо Феликса. Все сучки одинаковы. Устав запрещает сучек брать. Но ведь жрать-то все желают, Мартин... тьфу... Людвиг... Феликса с'ели... Вот и взяли - из местных... Прячем сучку, когда комиссия заявляется... Дармоеды... В комиссии полно евреев, это не секрет. Но ничего не поделаешь, устав – свят! Свят! Свят! Свят! Сучка, сучка, сучка!!.. (Брызжет слюной на стальные конструкции. Потом успокаивается, уходит на ют, становится силуэтом. Повернувшись спиной к зрителям, печально.) - Прячем ее в коробе для угля. Вот почему девка такая чумазая...

ВИТТГЕНШТЕЙН (Вытягивается, руки по швам) – Позвольте вопрос, герр боцман?

ВУРСТ (Тоже вытягивается, подобрав, по мере возможности, внушительных размеров живот) – Задавайте ваш вопрос, вольноопределяющийся!

ВИТТГЕНШТЕЙН – Что стало со свиньей?

ВУРСТ (С досадой) – Эти наши боеприпасы чертовски упруги, Людвиг. Что твои резиновые мячики. Коэффициент отталкивания у свиного сала где-то ноль восемь- ноль девять, то есть близок к абсолюту, по Кельвину. А тут еще палуба спружинила. (Разворачивает вахтенный журнал.) Вот схема. (Тычет свистком в журнал.) Здесь все видно, как на ладони. Положение вещей, так сказать. Большая дуга, жирным пунктиром – я вычертил все собственноручно, по свежим следам – это траектория свиньи, когда она пустилась в обратный путь. Этим красным ромбом обозначена «Греза». Крест – точка столкновения. Ровно в час пополудни. Время указано – здесь, в углу, видишь? Время я обвел кружком.

ВИТТГЕНШТЕЙН – Квадрат в этом случае был бы более уместен, мне кажется, Вурст. Квадрат точнее выражает сущность времени. Во многих отношениях время скорее квадратно, нежели кругообразно.

ВУРСТ – Типично Кембриджская идея, мой мальчик. Я знаю эту логику. Кейнс и Рассел не признают очевидностей, и еще поплатятся за свои вздорные заблуждения. Англосаксам не устоять в этой войне. Время ходит по кругу, циклично, как заведенное. Все возвращается, повторяется, воспроизводится, вплоть до последнего атома. Наша свинья вернулась, не так ли, Людвиг? То же самое и со всем остальным. Повторится все, все, все... От первичного бульона до Барбароссы. Вся история – ничто иное, как порочный круг, друг мой, как это ни прискорбно. Так называемый «прогресс» – чисто еврейская выдумка, заруби себе это на носу, малыш. Старина Вурст знает, что говорит...

ВИТТГЕШТЕЙН – Не хотите ли вы, боцман, всем этим сказать, что и этот наш с вами разговор уже не раз имел место? Или, если уж следовать до конца вашей логике – бессчетное количество раз? И Маргарита?.. И этот свинометатель... он точно так же освещался и будет вечно освещаться мягким октябрьским солнцем?..

ВУРСТ – С Маргаритой все не так очевидно... Но, ты, я вижу, начинаешь меня понимать, слава Богу. ОН – с нами! (Крестится, повернувшись к корабельной трубе, из которой идет слабый сизоватый дымок.) Сегодняшний семинар – не пропусти – ровно в семь, как обычно, на камбузе, но не там, где столы, а в левом отсеке, за переборкой, где мешки с героином – этот семинар будет целиком посвящен идее вечного возвращения... Рульке будет докладывать. Оратор он, признаться, никакой. Вся команда будет присутствовать, даже раненые. Крамп болен дезинтерией, но и он будет. В семь, не забудь...

ВИТТГЕНШТЕЙН – Слушаюсь! С нами Бог!

ВУРСТ - С нами, с нами... О чем мы бишь?.. Ах, да... Вернемся к нашим свиньям... Вот эта небольшая, но математически безукоризненная дуга – видишь, я обозначил ее пунктиром потоньше – путь свиньи после того, как она отрикошетила от палубы. (Трет заскорузлым пальцем по схеме, намереваясь видимо, внести кое-какие исправления.) Чертеж, Людвиг, в точности соответствует фактам. (Повышает голос, с нажимом, как бы сомневаясь в доверчивости слушателя.) Фактам, и ничему, кроме фактов! (Испытующе смотрит на ЛВ.)

ВИТТГЕНШТЕЙН – Так точно, герр Вурст!

ВУРСТ – ...Правда и то, дорогой мой, что самому этому соответствию на моем чертеже нет никаких соответствий... Это, не спорю, недостаток рисунка, но, увы, совершенно неустранимый...

ВИТТГЕНШТЕИН – Так точно, герр Вурст!

ВУРСТ (Продолжая сверлить вольноопределяющегося мутноватыми белесыми глазками.) – Для этого пришлось бы делать новый, точнее, следующий, чертеж, Виттгенштейн... А потом, страшно сказать, другой... Ты понимаешь, к чему я клоню?..

ВИТТГЕНШТЕЙН – Никак нет, господин Вурст! С нами Бог!

ВУРСТ (Снимает фуражку, чтобы рукавом форменной, с нашивками, блузы смахнуть с лысины крупные капли пота.) – Твое счастье, юноша... Лучше об этом не задумываться. Одного чертежа с лихвой хватит... На все случаи так называемой жизни... На все... Смотри. (Водит свистком по чертежу.) Свинья как бы отпрыгивает от палубы и благополучно приземляется на берегу, ярдах в двустах – трехстах, в густых кизиловых зарослях. Она и по сию пору пасется во-о-о-н там (Показывает пальцем), на фасолевой плантации, под носом у русских.

Берет вахтенный журнал под мышку и, как-то вдруг внезапно постарев, сильно сутулясь, спускается в трюм, не глядя по сторонам и не оглядываясь. Через пять секунд раздается притворно-испуганный вопль Маргариты.

ВИТТГЕНШТЕЙН (выходит на авансцену, натягивает потуже фуражку, говорит в зрительный зал.) - Невозможно жить без истины. Истина, пусть самая что ни на есть завалящая, совершенно необходима. Надо на что-то опереться, во что-то верить. Хотя бы в то, что меня зовут Людвиг Виттгенштейн.

В ходе всей сцены несколько матросов снуют по палубе, предаваясь обычной корабельнои рутине: кто драит палубу, кто чистит иллюминатор. Из самых недр корабля доносится возбужденное хрюканье.

СЦЕНА 3

“Греза” на якоре у поросшего густым кустарником берега. Утро. Тепло. Л.В., без фуражки (она беспечно болтается на одном из металлических выступов свинометателя), босой(сапоги - вероятно, для просушки - надеты на вертикальные стальные стержни того же устройства), с подвернутыми галифе, сидит на канатной бухте. Воротник расстегнут и открывает загоревшую еще в лучах норвежского солнца шею. Ремень ослаблен ровно на одну дырочку противу устава. «Ночное дежурство закончилось, можно и расслабиться в лучах поздней осени» - как бы говорит поза добровольца.Рядом с ним, на похожей до неразличимости бухте - Маргарита. Она чистит картошку для обеденного супа. Слева от нее - мешок с картофелем, прямо перед ней - лохань для кожуры. Рядом – один к одному – лежат несколько бычьих хвостов. Маргарита простоволоса, утренний ветерок играет рыжими, курчавыми локонами. Рукава матросской блузы засучены, являя зрителю полные, гладкие, как бы выточенные искусным токарем, округлости девичьих плеч и предплечий. Довольно крупная свинья, возбужденная нежданной свободой и запахом картофельной кожуры, резво дефилирует по палубе.

МАРГАРИТА – ...Их было двое, они спускались по западному склону поросшей колючим кустарником горы. И хотя солнце шло на закат, воздух все еще был сухим и шершавым, как наждачная бумага. Пустыня начиналась сразу у подножия горы. Солнце садилось. О чем они думали, чего желали? Об этом можно только гадать.

ВИТТГЕНШТЕЙН – ...Неожиданно дверь распахнулась, и вошел тот, кого так долго ждали. Ожидание... В чем оно выражалось?.. Наверное, они часто смотрели на часы, то и дело выглядывали в окно, строили догадки... Он входит. Все сразу заулыбались, задвигались, как марионетки. Да они и были марионетками. В сущности.

МАРГАРИТА – ...Осмотрительность, и еще раз осмотрительность – вот главная добродетель. Пошла вон! (Свинье, которая, ничтоже сумняшеся, сунула рыльце в тазик с кожурой.) Скоро тебя метнут, розовая.

ВИТТГЕНШТЕИН – Вещи делятся на: Важные, но не запоминающиеся, и на запоминающиеся, но не важные. В этом весь фокус идеологии.

МАРГАРИТА – ...Ответственность. Нашлось много охотников жонглировать этим обоюдоострым словом. Далеко ли мы забрели? И был ли у нас выбор? Вопросы, вопросы. (Кидает очищенную картофелину в бак.) Вопрос предполагает ответ. Детская игра. Дети жестоки. Жестокость – вот что придает жизни шарм, вносит изюминку. Насилие, смерть, предательство. Предательство предающего, убиение убивающего. Беспросветно. Одно утешает: Какое-то количество ангелов все-таки, как ни крути, необходимо. Иначе зло станет вездесущим и потеряет свой смысл. На. (Швыряет горсть очисток на палубу. Свинья, удовлетворенно хрюкая, мгновенно пожирает даденное.)

ВИТТГЕНШТЕЙН – (Натягивает сапоги.) – ...Необычность происходящего навела обоих на мысль о сновидении. (Выпрямляется.) Но кто из двоих – сновидец?!!..

Не в силах разрешить эту дилемму (Пробует, не жмут ли сапоги.) – если это было дилеммой... – оба упали, если не сказать – рухнули – ничком в колючки, предусмотрительно зажмурившись, дабы не поранить глаз. Бывают, в конце концов, сны на двоих... Потом, правда, пришлось подняться и продолжать путь. Дорога шла через свалку, границы которой терялись за горизонтом. Путники истекали кровью– падение в кустарник не прошло даром. Черная баранья шкура посреди свалки – если в этом случае можно говорить о середине – источала невыносимое зловоние и прямо-таки кишела червями. Они сделали большой крюк, чтобы обогнуть эту мерзость.

МАРГАРИТА – Была зима. Холод стоял страшный. И это небо… Серенькое… Как приговор… … Слоистые облачка… Об этом так много написано. Эти облачка… Похожие на собачек… Ужас? Нет, нет… Это намного ужасней ужаса. Хватит с тебя. (Отталкивает свинью.)

ВИТТГЕНШТЕЙН (Затягивает пояс, одевает фуражку.) – Сознаний нет. Даже у свиней, как это ни горько. Горько расставаться с иллюзиями.

МАРГАРИТА – А вот другой сон: На фоне поросших густым, темным еловым лесом гор возвышается огромная, высотой с десятиэтажный дом, сделанная не то из хрусталя, не то вырубленная изо льда, статуя Будды. Необычно то, что Всевышний восседает на лошади, мохнатой и коренастой. Монгольская лошадь. Скульптура незакончена, или, чего тоже нельзя исключать, мы имеем дело со своеобразным «нонфинито»: ноги коня утопают в глыбах едва обработанного полупрозрачного материала. На вершинах гор пылают многочисленные костры. Мало того: над четко очерченным зубчатым контуром, на фоне вечереющего неба, то и дело взрываются цветы фейерверков. Зависнув на мгновение, эти эфемерно-звездчатые творения безымянных пиротехников заканчивают свой параболический полет в черном ельнике, шипя и мерцая. Статуя отчасти преломляет, частью отражает все это великолепие. При этом она переливается всеми цветами радуги…

(Бросает в бак последнюю картофелину, вытирает руки полотенцем.) Уффф… Кончено… Ну что за наглость! (Хватает один из бычьих хвостов, чтобы огреть им свинью, беззастенчиво сунувшую морду в бак со свежеочищенным картофелем. Обиженное животное убегает, резво постукивая раздвоенными копытцами по доскам.)

Потом, отбивая легонько такт хвостом, тихонько запевает, вероятно что-то народное, моравское: «Та зима была бесснежная, у миленка руки нежные…» Внезапно замолкает, кладет хвост на палубу, достает из корсажа пачку сигарет и коробок спичек в латунном футляре. Прикуривает, возвращает оба предмета в глубины корсажа и, держа зажженную сигарету в пальцах левой руки, правой вновь берется за хвост. Осененная внезапной идеей, игриво смотрит на ЛВ.

МАРГАРИТА – Я устала. Пора и развлечься, мальчуган. (Легонько хлещет хвостом о палубу.) Ведь ты уже совсем взрослый, Людвиг, настоящий кавалер, воин и свинометатель. К тому же ты мне очень нравишься, красавчик. (Шутя бьет добровольца по коленям, рукам, щекочет ему шею кисточкой хвоста.)

ЛВ краснеет, слабо защищается.

МАРГАРИТА – Это не больно, дурачок. (Играя, хлещет ЛВ по плечам.) Тут главное войти, как говориться, во вкус. На, попробуй сам. (Выбрасывает сигарету за борт, выпускает оставшийся дым, сузив губки, в осеннюю синь и протягивает хвост Людвигу.)

Виттгенштеин неохотно берет хвост за кисточку и безвольно опускает руку.

МАРГАРИТА – Да не так, малыш! (Переворачивает хвост в руке ЛВ.) – Кисточкой ты будешь хлестать меня, твою Марго! Посмотри, какая у меня красивая задница! (Задирает юбку и, опершись на выкрашенную белой краской корабельную трубу, являет лучам осеннего светила свой пышный зад.) Выпори меня, милый!.. Я обожаю порку!

ЛВ мнется, не решаясь ударить.

МАРГАРИТА (Полуобернувшись к ЛВ, по прежнему выставляя задницу.) – Ты не хочешь сделать меня счастливой? А, милый?.. Бей же, бей, Богом прошу!.. Заклинаю!.. (ЛВ наносит несколько слабых ударов.) – О, да, да!!.. Сильнее, мой мальчик! Сильнее!.. И говори, говори что-нибудь, поругай меня… Назови меня шлюхой, к примеру… Я ведь шлюха, ты же знаешь, Рульке наверняка просветил тебя на сей счет… Больше того: я уверена – это первое, о

чем поведал тебе старый сплетник, едва ты вступил на борт «Грезы»... Скажи «шлюха... шлюха»... Ну, говори!

Тем временем в гуще прибрежных камышей тут и там вспыхивает на солнце металл. Это металл штыков. Через мгновенье из камышей, вдоль берега, возникают сотни бородатых, в серых долгополых шинелях, фигур с винтовками в грубых крестьянских ручищах. И, едва ЛВ открывает рот, чтобы произнести сакральную фразу, как раздается крик вахтенного: «Русские идут!» Вся команда, включая Рульке и Вурста, высыпала на палубу и, возбужденно переговариваясь, столпилась у борта. Маргарита, заслышав крик вахтенного, тут же оставляет нашего горе-садиста и, на бегу оправляя юбку, устремляется к поручням, на бегу оттолкнув нескольких матросов. ЛВ растерянно топчется на месте с хвостом в руке.

МАРГАРИТА (Кричит в сторону берега) – Клосс! Я здесь, Клосс! Я здесь, любимый!..

СЦЕНА 4

Вечереет. На палубе, вокруг бочонков с патокой и мешков с героином и имбирем, толпятся русские солдаты, вперемешку с матросами «Грезы». Водку русские принесли, или, точнее, прикатили, с собой, в большой цинковой бочке с надписью «Смирнофф». Ковш с водкой ходит по кругу. Одни закусывают имбирем, другие – героином и патокой. Рульке и Вурст, сидя на канатах, пьют водку и едят большими деревянными ложками патоку. Ложки украшены хохломской росписью - вероятно, подарок русских. Целая гора таких ложек высыпалась из развязавшегося мешка у самого борта. Несколько ложек упало за борт и покачиваются на волнах. Мало-помалу их относит течением. Солдаты и матросы хлопают друг друга по плечу, выкрикивают – каждый на своем языке - тосты. Винтовки валяются где попало. Пять – шесть Мосиных висят на свинометателе. Несколько свиней разного возраста путаются под ногами пирующих. Никто не обращает на них внимания. Пользуясь суматохой, животные лижут просыпанный героин, что приводит их в весьма игривое настроение. Так, иные из них предаются любви. Люди, впрочем, тоже не отстают, во всяком случае, некоторые из них: из-за белой как снег, трубы, справа, торчат две пары ног, чьи хозяева, без всякого сомнения, пребывают в положении, называемом обычно горизонтальным. Проще говоря, оба лежат на палубе. Одни из этих ног - внизу - бесспорно женские, ибо обуты в лакированные кроваво-красные туфельки, а другие – сверху - блещут ваксой яловых сапог. Судя по их конвульсивным движениям, оба персонажа вовсю занимаются любовью.

ВИТТГЕНШТЕЙН (Который доселе неприкаянно слонялся меж братающихся представителей двух враждующих армий, подходит к поручням, обращается к зрителям) – Любая конкретизация является также и ослеплением. В этом - то и заключается фундаментальный парадокс: ослепнуть, точнее, быть ослепленным, чтобы видеть... (Одевает круглые темные очки, в которых и остается до конца сцены.)

Двое за трубой, завершив, похоже, процесс, присоединяются ко всей честной компании. Тут-то и выясняется, что наши любовники – не кто иные, как Клосс и Маргарита. Они держатся за руки. Оба раскраснелись, принаряженная Маргарита на ходу оправляет сильно декольтированное, помятое , красное, под цвет туфель, и выгодно оттеняющее хаки ее кавалера, платье. Они садятся на свободную бухту, рядом с капитаном и боцманом, причем Маргарита удобно устраивается на коленях русского офицера. Еле держащийся на ногах денщик наливает обоим водки и пододвигает поближе мешок с героином. Веселье набирает обороты.

КЛОСС (Пьет, вынимает из нагрудного кармана серебряную ложку, зачерпывает героин и предлагает его Маргарите, только что лихо осушившей свой ковш с водкою. Она не отказывается. Клосс, облизав опустевшую ложку и вновь ее наполнив, обращается к Рульке.) - Издревле, с легкой руки Карамзина, в головах европейцев угнездилась идея, что русские... (Отправляет героин в рот, слегка морщится, запивает снадобье водкой, как если бы она была водой, а героин – аспирином.) ...что русские – это татары и чуть ли не мусульмане.

Маргарита заливисто хохочет, чмокает Клосса в ухо.

Вурст перестает есть патоку и, замерев, вперивается в ее мерно колышущиеся в низком декольте весьма об'емистые полушария.

КЛОСС - ...Это не совсем так, точнее, совсем не так. У нас совершенно другая религия. (Долго, взасос, целует Маргариту. Минутная пауза.)

РУЛЬКЕ – На последнем семинаре, четырнадцатого, нами дебатировалась приверженность русских Коцеткоатлю...

КЛОСС – Да, мы ему привержены. Но дело не в этом. Ваша разведка, Рульке – я не имею в виду, разумеется, лично вас, капитан – вы доблестный служака и честно исполняете свой долг перед отечеством – ваша разведка, Рульке, работает из рук вон плохо, даром, так сказать, ест хлеб свой. Исходя из ложной идеи о мусульманстве русских, вы расстреливаете наши позиции свиньями (Машинально отталкивает свинью, вздумавшую потереться о его сапог) ... свиньями, рассчитывая тем самым внести смятение в наши ряды. Это ошибка, Рульке, причем роковая. Вы, Вилли, не обижайся, проиграете войну, и все из-за этих ваших свиней. (Снова отталкивает упрямую свинку, которой явно полюбился его яловый, густо смазанный ваксой, сапог.)

Виттгенштейн продолжает слоняться по палубе, время от времени делая огрызком карандаша записи (вероятно, заметки к так называемому «Прото-Трактату») в толстой записной книжке, приподнимая при этом черные очки. Зрелище оргии вызывает время от времени на его лице брезгливую гримасу.

Объевшийся патокой Вурст отходит поблевать к поручням, где десяток солдат и матросов уже самозабвенно предаются этому милому занятию.

КЛОСС (Поглаживая Маргарите коленки) – Мало того, что ваши свиньи плохо пристреляны, Вилли, а ваши карты, капитан, гравированы лет сто – сто пятьдесят назад и давно устарели. Это я вам как топограф, топограф второй категории, говорю. Свиньи приземляются далеко к югу от наших батарей и фашин, близ дубовых рощ, которыми наша страна изобилует – факт, так же, как и все остальное, укрывшийся от всевидящего ока вашей славной разведки. А что еще, по-вашему, нужно свиньям? (Почесывает ближайшую свинью за ухом. При этом другая его рука утопает в огненно-рыжих волосах подруги. Судя по всему, обе – свинья и девушка - довольны.) ... Попрыгав немного, как шарики для пинг-понга, по полям, эти милые создания устремляются к желудевым залежам, где и находят свою свиную нирвану. Обидно другое.

ВИТТГЕНШТЕЙН (В зал) - Когда вселенная закончится, этого, без преувеличения, грандиозного события никто не заметит. Ведь тогда нужно было бы каким - то немыслимым образом находиться и по сю, и по ту сторону роковой границы, что, согласитесь, абсурдно. По тем же самым причинам невозможно уловить хоть какое-то подобие начала, как бы нам этого ни хотелось... (Пьяный солдат наталкивается на философа, и, не устояв на ногах, вываливается за борт. ЛВ долго брезгливо отряхивается. Некоторое время созерцает круги на водной поверхности, образованные падением русского, который, без сомненья, камнем пошел ко дну. ЛВ снова обращается в зал.) ... Итог сих силлогизмов, однако, не столь уж печален, хоть и парадоксален: мы не только не рождаемся, но и не умираем. Это ли не подлинное бессмертие?..

КЛОСС (Всем) – Итак, господа, сообщаю вам пренеприятное известие: от ваших свиней нам, вашим историческим врагам, ни жарко, ни холодно. Особенно, если учесть то немаловажное обстоятельство, что русские от века питаются исключительно хлебом и квасом. Мы не едим не только свиней, что было бы не только глупо, но и жестоко – ведь, как известно, венцом творения является отнюдь не человек – это жалкое двуногое без перьев, а свинья, – мы, потомки славного рода Рюриков, не едим также коров, саранчу, жуков - листоедов и даже улиток, коими, как мы знаем, не пренебрегают иные безнравственные нации.

В этот момент начинается канонада. Снаряды летят с обеих сторон и с диким воем бороздят темнеющее над кораблем небо. Горизонт озаряется вспышками. Рульке и Клосс почти одновременно орут: «Тревога!.. По местам, бездельники!.. К бою, окопная шваль!..» Толпясь и толкаясь, спотыкаясь о мешки, опрокидывая бочки с патокой, солдаты и матросы противоборствующих армий по мере сил следуют приказу: матросы ныряют в трюмы, Виттгенштейн пробивается к свинометателю. Русские прыгают в лодки и тут же отчаливают. Кто-то из них высоким голосом запевает «Боже, царя храни». Остальные нестройно подхватывают. Клосс, не без труда высвободившись из цепких обьятий возлюбленной, покидает корабль одним из первых. Маргарита, натыкаясь на испуганных выстрелами хрюшек, мчится к поручням и вцепившись в них так, что белеют костяшки пальцев, кричит сквозь слезы, склонившись в осенний мрак: «Ива-а-а-а-а-ан!.. Ваня-я-я-я-я-я-а-а-а-а!.. А-а-а-а-а-а-а-а!..» Ее отчаянье столь велико, столь неподдельно, что она даже не замечает, как Вурст, пристроившись сзади, овладевает ею, ловким движением задрав ее кроваво-красную юбку.

СЦЕНА 5

Ночь, озаряемая сигнальными ракетами и вспышками выстрелов. Сверху свистят снаряды. Грохот разрывов, вой каких-то сирен, гул канонады. У свинометателя – Людвиг Виттгенштеин. Из трюма ползет конвейерная лента, выносящая из корабельного чрева свиней – вереница за вереницей. Со сноровкой, столь редкой среди метафизиков, наш философ подхватывает очередную свинью и закрепляет животное на поворотном диске катапульты, рылом на себя. Затем резко дергает пусковой рычаг. Диск со свиньей приходит в движение и начинает вращаться, все быстрее и быстрее. Когда скорость достигает максимума, а свинья становится однородным розовым пятном с флюоресцирующим ореолом по краям, Виттгенштейн другим рычагом размыкает карабины креплений и живой снаряд стремительно уносится к горизонту, оставляя за собой в ночном воздухе огненный след. И так раз за разом, свинья за свиньей. Постепенно над горизонтом занимается зарево грандиозного пожарища. Вскоре на его фоне проступают контуры зубчатых стен и увенчанных двуглавыми орлами башен Кремля. Отчетливо вырисовывается, ярко освещенная огненными языками пожарища, колокольня Ивана Великого.

ЭПИЛОГ

Пустая сцена, на которой рядами разложены бычьи хвосты. После минутной паузы хвосты приходят в движение, извиваясь, подобно змеям. Затем происходит нечто удивительное: все хвосты каким-то чудесным образом обретают своих хозяев и вся сцена наполняется черными, торжествующе мычащими быками. Их так много, что вскоре они заполняют проходы зрительного зала, наводняют фойе и, спустившись по мраморным ступеням подъезда, разбредаются по прилегающим улочкам.

Москва, Южное Измайлово, 29.01.09.

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

ИМИДЖ-ДИАЛОГ-ЭКСПЕРИМЕНТ: ПОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

По просьбе Евгения В.Харитонова о международной научной конференции, посвященной современной русской поэзии, рассказывает **Сергей Бирюков.**

- По общему признанию, русская поэзия сейчас находится на подъеме. Говорят даже о поэтическом буме... И этот бум продолжается уже не один год и даже не одно десятилетие. Однако вся эта ситуация с поэзией остается слабо отрефлексированной. Научное сообщество пока еще слабо реагирует на то, что происходит здесь и сейчас. В 90-е годы я проводил в Тамбове серию международных конференций-фестивалей, посвященных поэзии. И каждый раз приходилось сталкиваться с дефицитом ученых, занимающихся современной поэзией. Среди литературоведов таковых были вообще единицы. Благо у меня были хорошие контакты с лингвистами и сам я в то время работал на лингвистической кафедре. Лингвисты оказывались и оказываются более подвижными в интересе к современной поэзии и вообще современной словесности. Не случайно самая масштабная конференция-фестиваль, которую мы организовали вместе с Аней Альчук и Натальей Фатеевой в 2003 году, проходила в Институте русского языка Российской Академии Наук. Однако и здесь помимо поэзии затрагивалась также и проза.

И можно только порадоваться, что в Германии, в Трирском университете, два года назад родилась идея научной конференции, посвященной современной русской поэзии. Профессор Хенрике Шталь и ее аспирантка Марион Рутц приложили немало усилий, чтобы эта идея осуществилась. К организации конференции подключился также Институт языкознания Российской Академии наук. В марте этого года в городе Bernkastel-Kues, на родине выдающегося философа и теолога Николая Кузанского, в Кузанской Акдемии европейской истории мысли такая конференция прошла.

Открылась конференция в родовом доме Кузанского глубоким докладом Хенрике Шталь, которая выдвинула несколько вариантов подходов к анализу процессов происходящих как внутри поэтических полей,так и внешних по отношению к ним.

Эти варианты затем в той или иной степени затрагивались в разделах (секциях).

Я остановлюсь только на наиболее острых моментах конференции.

Прежде всего это постановка вопроса о "канонах" в современной русской поэзии, сделанная в аналитичном докладе Марион Рутц. Вокруг доклада развернулась оживленная полемика и к вопросу "канона" много раз возвращались в процессе конференции.

На мой взгляд, речь в докладе Марион Рутц шла все-таки не совсем о каноне в каноническом понимании, а больше о проблеме исследования и оценки тех или иных явлений, выстраивании некоторой системы. То есть поднимались вопросы герменевтики и аксиологии. И мне думается, что в дальнейшем на этих вопросах и стоит сосредоточиться.

Следующая заостренная дискуссия развернулась вокруг авангардной темы (что как раз интересует наш журнал). Это было связано с моим выступлением, а также с докладом Валерия Гречко (Токио) о звуке и значении в современной поэзии в сопоставлении с футуристическими опытами. Основным нашим оппонентом выступал Дмитрий Кузьмин.

Это слишком большая тема, чтобы можно было развернуть ее в кратком отчете. Скажу только, что авангард как наиболее неканоническое направление все еще не находит адекватных фор исследования и из-за этого часто возникают разного рода проблемы с пониманем. К тому же в искусстве вообще и в авангардном в частности нет ничего химического чистого, здесь менее всего возможны однозначные трактовки. А наличие и в историческом и во внеисторическом авангарде пограничных фигур еще больше усложняет картину. Авангард вообще вольно или невольно провоцирует столкновение мнений. Так что острые дискуссии для этой темы как раз вполне нормыльны.

В докладах участников конференции было много интересных наблюдений над текстами разных авторов, некоторые поэты были представлены в аналитическом описании.

Были затронуты и лингвистические особенности современных текстов и проблемы теории стиха, издательские стратегии, бытование поэзии в интернете, презентация авторов.

На мой взгляд, эта конференция явилась как бы таким смотром сил. Мы встретились, послушали друг друга, оценили возможности. По материалам конференции должен выйти сборник. Статьи часто весьма отличаются от докладов, так что будет еще одна возможность посмотреть на ситуацию. Я это говорю к

тому, что у организаторов конференции были довольно интересные планы, среди которых в том числе издание международного научного журнала, посвященного современной русской поэзии.

Вообще конференция оставила у меня лично больше вопросов, чем ответов. Но это и хорошо. Вопросы всегда подталкивают к тому, чтобы искать на них ответы!

Александр В. БУБНОВ
Alexander V. Bubnov

ХОККУ В АКРОСТИХЕ –
экзотическая пища Сергея Алхутова

Запад «ест» Запад, а Восток «ест» Восток. А nomen «ест» omen. Ам - и нет имени… буковки-литеры... И перешла она в новую ипостась, как в цикле хокку московского поэта, прозаика и публициста Сергея Алхутова с названием… «РОТ» - все переводы с английского и других латиноалфавитных прошу считать дополнительными метафорами. В дополнение к главной из них – метафоре «рот – язык – лингвопоэтика».

Цикл Сергея Алхутова основан на акростихе - элементарной форме буквологики / комбинаторной поэтики. Буквологика (литерологика, буквология, литерология) (термины мои. - А. Б.) - область строгих форможанров художественного текста, в которых главным элементом формы является буква (звукобуква); техника таких форможанров; «логика» буквы. Акростих, акрограмма, тавтограмма - одни из наиболее вольных буквологических форм, поскольку в них лишь малая часть текста - первые буквы слов - организованы буквологикой. И напротив, анаграмма, палиндром, пантограмма (в их строгих стилях) - наиболее филигранные буквологические формы, поскольку ВСЕ буквы текста подвергнуты тотальной авторской организации.

Цикл хокку Сергея Алхутова основан не просто на акростихе, но на акростихе - подобном венку сонетов. Арифметика хокку - 17 слогов (5+7+5), то есть на русском языке - 17 гласных звукобукв, графонем, литерофонов (не путать с литрофонами, хотя - путайте, здесь интересно)… Вариант «гласности» а-ля Алексей Кручёных:

оеа ие
еи аееи а
яиа ия

Если только эти 17 литер возвести в новое качество начальной «буквицы» каждого стиха, то понадобится - правильно! - 17 стихов для расшифровки-разворачивания в фоническом времени-пространстве цикла. 17 - как минимум. 17/3 = более пяти хокку. Делится не без остатка. Чтобы уложиться в целое число хокку-трёхстиший, надо «подгадать» дополнительно число согласных в хокку-магистрале, дабы в сумме… и т.д. Рутинный лингво-комбинаторный труд, в который извольте ещё и «вдохнуть»… Что Сергею Алхутову и удалось.

Роятся пчёлы.
Одну подпущу... Ожог!
То мёда укус.
(…)

И получилось в итоге «на круг» 12 хокку из 36 магистралитер, из магистрала выпорхнувших (в «ямку на небе»?) и в нём пребывающих, живущих, вращающихся-вратившихся. Акровертикаль слева образует «РОТ». Буквологика полного акростихового магистрала - состоит из названия плюс всего текста первого хокку: «РОТ. РОЯТСЯ ПЧЁЛЫ. ОДНУ ПОДПУЩУ... ОЖОГ! ТО МЁДА УКУС». Каждая из этих букв начинает новую строку цикла.

А слабО было бы решить «задание более сложное» - чтобы словоразделы акростиха с хоккупробелами совпадали?! Textus-тканью «залатать ямку» формы, «тонкою нитью…», но не столь дезориентирующе близко, как «по полю / посеву»... Может быть, на другом материале, возможно, менее ироническом. Кто знает? А кто знает, тот и сумеет?.. Как нет случайностей, так и нет предела совершенства формы.

Терпкое буквологическое чувство - метонимический «мЁда укус» - испытываешь от чтения-созерцания буквы-страдалицы с символическим номером 7, (но!) не заменённой здесь на шестую букву русского алфавита, как частенько бывает. «Огненным клёном / гонит осень из леса / тёмное лето» - удачнейший поэзомузыкальный трёхтакт! (трактат?) Да и буквенно-символический к тому же. ЕЁйный.

Один (хокку-магистрал), Три (слово-акростих в нём, равный числу строк), Двенадцать (хокку вкруг одного главного), а между ними «Пять-Семь-Пять» - изящный символизм с внутрипалиндромным включением. Ну а суперзадача - «Двадцатый этаж» в двадцатом хокку. Или наоборот подгадать?.. Нет, ни «одиннадцатый», ни «двенадцатый» не подходит. «Незнайкинская» дилемма смысла и рифмы. «И формы» - добавим ещё.

Литера - Тора Литератора! «Ёмкое время» ныне, метаметафора, «мета прошедших времён», время «всего во всём». Буквологическое время уплотняется: по горизонталям-меридианам истории и континентов, по вертикалям-параллелям акро- и иного букво-логического стиха.

Сергей Алхутов. РОТ.

Роятся пчёлы.
Одну подпущу... Ожог!
То мёда укус.

Растут ли корни?
Откопать ли, изведать?
Я их извёл, я!

Тонкою нитью
Самолёт залатает
Ямку на небе

Полночь крадётся,
Часы мягко ступают.
Ёмкое время!

Лом по ноге - хрясть!
"Ы-ы-ы!" - ему отвечаю.
Общаемся так.

День новый придёт -
Найдутся пища и кров.
Умеют найтись.

По полю хлещет
Обложной дождь, посеву
Дающий пищу

Праздник медузы:
Умять жирную рыбу
Щупальцами в рот

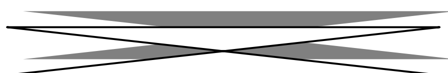
Угорел в бане -
Оклемался в речушке.
Жжёт, ледяная!

Огненным клёном
Гонит осень из леса
Тёмное лето.

Он неуместен -
Мета прошедших времён -
Ёршик в бутылке

Двадцатый этаж.
А если шагнуть в окно?
Устал за окном...

Капелька смолы -
Убежище комару:
Спасся от тлена.

Геннадий Айги. Собрание сочинений в семи томах. Составление Галины Айги и Александра Макарова-Кроткова. Художник Андрей Бондаренко. М.: Гилея, 2009.

Семь небольших томиков в специальном футляре. Семь граней поэта. На фронотисписе каждого из томов портреты Айги работы его друга – парижского художника Николая Дронникова. Каждой книжке этого собрания предпослано отдельное предисловие – самого Айги, его сестры – писательницы Евы Лисиной, Ольги Седаковой, Атнера Хузангая, Владимира Новикова, Феликса Филиппа Ингольда, Михаила Айзенберга. Таким образом перед нами предстает цельный облик одного из значительных поэтов второй половины ХХ-го века.

Serguei Biriukov. Sphinx. Испанская версия Milagrosa Romero Samper. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010.

Испанская версия книги Сергея Бирюкова выпущена тем же издательством, где вышла и русская версия. Перевод осуществила поэтесса и профессор-испанист Милагроса Ромеро Сампер с помощью консультаций издателя Михаила Евзлина.

Татьяна Виноградова. Голодные ангелы. М.: Вест-Консалтинг. Библиотека журнала "Дети Ра", 2010.

Новая книга известной московской поэтессы и художницы, входящей в группу "Другое полушарие". Татьяна Виноградова не устает удивлять читающую публику самыми неожиданными текстами. Помимо собственно стихов (рифмованных и не, но всегда интересных) она включила в книгу, например "Канц-верлибр", то есть канцелярский верлибр, обнаруженный на обороте купленной тетрадки, или список "грехов", найденный в интернете, с которым (списком) поэтесса тут же полемизирует. Вообще вся эта книга с головой выдает Татьяну Виноградову – тонко и оригинально мыслящую филологиню-поэтессу-художницу.

Наш выбор. Мини-антология свободного стиха. Короткие тексты (1950-2000). / Сост. Александра Очеретянского и Алексея Даена. Библиотека альманаха "Черновик". БМ, БГ.

Очередная акция двух неутомимых деятелей современной русской литературы, давно живущих в США. Они сами в предисловии определяют свою задачу таким обрзом: " На базе короткого стиха (максимум - 15 строк), показать – по-возможности, разумеется, - как можно шире – спектр свободного не закомплексованного дыхания русскоязычной поэзии второй половины ХХ века". В сборнике свыше ста авторов, всех не назвать. Свою задачу составители вполне выполнили. Претензии по подбору авторов в данном случае абсолютно бессмысленны, ибо это честный выбор именно этих составителей, которые сами собрали и склеили книжку. Чем больше будет вариантов выбора, тем лучше.

Dynamik poetischer Formen. Lyrik-, Prosa- und Dramatexte in Russland um die Jahrtausendwende. Динамика формы художественного текста: стих, проза, драма в конце ХХ-начале ХХI века. Swetlana Mengel / Natalia Fateeva (Hrsg.). Halle, 2009.

Что происходит с формой в современной поэзии, прозе, драме на сломе веков? На этот вопрос в частности отвечает книга, вышедшая в издательстве немецкого университета имени Мартина Лютера. Составили книгу профессор халльского университета Светлана Менгель и профессор и ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В.Виноградова Наталья Фатеева, они же написали предисловие к книге, в котором определили важнейшие направления исследований. В этой коллективной монографии приняли участие лингвисты Н.Фатеева, Н.Николина, О.Северская, З.Петрова, стиховед Ю.Орлицкий. Наблюдения этих авторов над языковой организацией, словотворчеством, особенностями стихосложения, особенностями языка прозы и формой современной драмы дают возможность понять, какими путями движется

современная литература, что она она принимает и отвергает. Работы, вошедшие в книгу, отличаются пристальным вниманием также к авангардным формам современной словесности.

Russian Literature LXV-I/II/III, 2009, Amsterdam.
Специальный строенный выпуск международного славистского журнала, посвященный **Алексею Крученых**. Выпуск открывается обзорной статьей статьей Нины Гурьяновой, затем идут публикации: материалы Крученых и Хлебникова из амстердамской части архива Н.И.Харджиева (подготовлены С.Сигеем и В. Вестстейном), письма Крученых к А.Шемшурину (подготовлены А.Крусановым), "Военная опера" Крученых и Хлебникова (подготовлена Н.Гурьяновой). Дополняют выпуск статьи и заметки о творчестве Крученых.
В целом этот специальный выпуск можно назвать значительным событием в деле изучения исторического авангарда в целом и творчества Крученых в частности.

Поэтика и эстетика слова. Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева/ Под ред. З.Ю.Петровой, Н.А.Фатеевой, Л.Л.Шестаковой. - М.: ЛЕНАНД, 2010.
Сборник памяти выдающегося русского филолога В.П.Григорьева (1925-2007), составленный его учениками и коллегами, содержит в том числе специальный раздел, посвященный Велимиру Хлебникову, главному герою григорьевских штудий. В.П.Григорьев был главным утвердителем лингвистической поэтики, а также поэтической лексикографии. Все эти ипостаси ученого нашли отражения в работах лингвистов, литературоведов, культурологов из разных стран.

Доминаната. Альманах. München: Verlag Otto Sagner,1-2, 2009.
С 2006 года в Мюнхене выходит альманах "Доминанта", который организовал и собирает музыкант и литератор Семен Гурарий. В отличие от многих русскоязычных изданий, выходящих в Германии, этот альманах явно близок к авангардному направлению, не даром в его редколлегии Елена Кацюба и Константин Кедров. В альманахе публикуются как русские так и немецкие авторы, в некоторых случаях с переводом в ту или другую сторону. В данном номере так напечатаны, например, Ингеборг Бахман, Вадим Перельмутер, Семен Гурарий, еще несколько авторов. В этом номере опубликованы также мистерия Константина Кедрова "Посвящение Сократа", его же композиция о Павле Челищеве, подборка стихов Сергея Бирюкова.

Наталия Азарова. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Гнозис/Логос, 2010.
В книге рассматривается феномен параллельного развития, взаимодействия, взаимовлияния и сближения языка русской философии и поэзии XX-XXI вв. Анализируются разные уровни языка – грамматика, лексика, текст – на материале основных текстов русской философии XX в. и текстов русской поэзии, причем особое внимание уделяется поэзии второй половины XX -начала XXI вв. (Из аннотации). Выходу монографии предшествовал ряд статей автора в различных научных изданиях. И можно надеяться, что сама проблема привлечет к себе внимание новых исследователей, а также активизирует внимание поэтов и философов.

Данила Давыдов. Контексты и мифы: Сборник рецензий. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
Поэт, прозаик и критик Данила Давыдов предстает в наиболее известной своей ипостаси. Его критическая деятельность хорошо известна не только в профессиональном сообществе, благо он печатает статьи и рецензии в самых разных изданиях. В этой книге собрана лишь часть многолетних откликов критика на самые разные явления современной литературы. Отметим, что Данила Давыдов один из немногих критиков, обладающий широким кругозором и мировоззрением. В том числе он внимательно следит за авангардным сегментом литературного процесса. В частности, в книге мы находим ряд интересных наблюдений над авангардными явлениями в творчестве Николая Глазкова, Георгия Оболдуева, Савелия Гринберга, Леонида Аронзона, Игоря Холина, Генриха Сапгира, Виктора Сосноры, рецензии на антологии экспериментальной поэзии, подготовленные Дмитрием Булатовым.

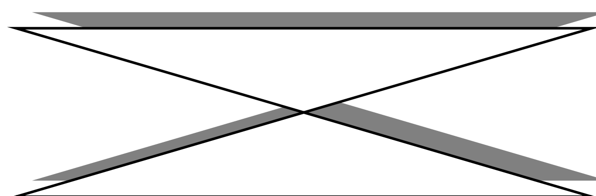
Магдалена Костова-Панайотова. Руският поетически авангард през XX век: теория и практика. Благоевград, 2010.

Эта книга продолжает ряд предыдущих работ известной болгарской исследовательницы, о книгах которой мы уже писали в наших обзорах. Автор рассматривает авангард и в общетеоретическом плане, и подробно останавливается на творчестве ряда авторов исторического авангарда и действиях групп этого периода. Особое место в книге занимает рассмотрение поэзии второй половины XX века в ее проблематических отношениях с авангардной парадигмой. Характерно, что болгарская исследовательница от работы к работе стремится уточнять представления о том, что происходило и происходит в русской поэзии в связи с авангардной парадигмой. Она постоянно обращается к новейшей литературе по авангарду, в частности, довольно интенсивно взаимодействует с работами И.Е.Васильева, С.Е.Бирюкова, К.А.Кедрова и других российских и зарубежных исследователей.

Галина Маневич. Опыт благодарения. Воспоминания. М.: Аграф, 2009.

Киновед Галина Маневич посвятила воспоминания своему мужу, выдающемуся художнику Эдуарду Штейнбергу. В доме супругов Галины и Эдуарда, где бы этот дом не находился – в Москве, Тарусе, деревне Погорелке, Париже – всегда многолюдно. Так вот, эти гости открытого дома и стали основными действующими лицами воспоминаний: художники-нонконформисты, литераторы, режиссеры, философы, коллекционеры, дипломаты, просто необычные люди. На этих страницах появляются Аркадий Штейнберг и Борис Свешников, Андрей Тарковский и Генрих Сапгир, Илья Кабаков и Игорь Холин, Антолий Зверев и Владимир Янкилевский, Геннадий Айги и Владимир Яковлев, Владимир Максимов и Феликс Светов... В общем, целый пласт искусства, литературы, философии, в котором были разные течения и направления, в том числе и авангардное.

Б.

ARTronic POETRY

ARTronic POETRY –

Аудио/видео-приложение к журналу «Другое полушарие»

ARTronic POETRY –

единственный в России

Международный журнал Sound Poetry + Video Art

http://artronicpoetry.blogspot.com/

Другое
полушарие /
Another
Hemisphere
2010
№ 12